

Наталия Земская

Анти-Авелин

Наталия Земская

Анти-Авелин

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Земская Н.

Анти-Авелин / Н. Земская — «Э.РА», 2015

Книга рассчитана на читателя с философским взглядом на историю и человеческую жизнь. В ней поднимаются вопросы развития человеческого разума, понятий добра и любви, их связь с историей человечества, рассматриваются вопросы ожившего во многих странах мира национализма, связь этого явления с фашизмом середины прошлого века. Сюжет романа занимателен, основан на реальных исторических событиях, не лишен мистики и будет интересен самому широкому кругу читателей.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

© Земская Н., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Не стоит бояться одиночества	6
Повезло, как слепому петуху	11
Ночной гость	18
Правило мещанина	26
Старый знакомый	32
Восточное имя	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталия Земская

Анти-Авелин

© Земская Н. 2015

* * *

*Научи себя быть светом там, где тьма,
И рекой беги по стонущим пескам...*
Сергей Маврин

Не стоит бояться одиночества

Она шла, ссутулившись, наклонив голову наперекор встречному ветру, вся сжавшись под легкой курткой, как пружина, стараясь быстрее добежать до спасительного подъезда.

Надо расслабиться, и будет теплее. Попытка согреться таким способом оказалась безуспешной. Еще отчетливее застучали зубы, и сумка на плече, казалось, стала тяжелее.

Она взглянула на башню Газпрома. Пик высоты был окутан черными низкими тучами.

Родной подъезд двигался навстречу слишком медленно.

Шаг через порог, стук закрывшейся двери за спиной, привычное «Здрасьте!» консьержке, и родной подъезд обнял теплыми лапами все тело.

Квартира встретила привычными запахами, сумки буквально выпали из рук, и по телу растеклось блаженство. Ноги без каблуков приятно заныли.

Надо переходить на низкий каблук, но в обувном магазине почему-то всегда хочется купить модели, изогнутые под высокую шпильку и похожие на «наказание».

– Нюся! Нюся! Ты где? – Из-за угла появилась заспанная морда кошки. – Пойдем, покажу, что я тебе купила...

Так хочется иметь в доме собаку. Но кто с ней будет заниматься? Ты с утра до вечера на работе, сын в институте. Собака не переносит одиночество, ей всегда нужна компания. Как ошибаются те, кто заводит это животное в доме, полагая, что краткие прогулки вечером и утром будут достаточны для их четвероногого друга. А потом удивляются, почему у их песика съехала крыша, и он съел или порвал в клочья все, до чего смог дотянуться в квартире.

– Выйду на пенсию, обязательно заведу собаку. – Нюся настороженно подняла голову и заглянула в глаза хозяйке. – Это будет очень воспитанный и добрый пес! – Нюся снова перевела взгляд на сумки.

Вспомнилась идея активной эволюции Академика Вернадского, который, воспользовавшись догадкой американского ученого-геолога Джеймса Дана, сделал предположение, что основной целью эволюции животного мира является совершенствование нервной системы, в частности – головного мозга. И этой идеальной программе подчинены все – от моллюска до человека. Вернадский утверждал, что животный мир неизбежно, из поколения в поколение перемещается из биосферы в ноосферу, то есть сферу разума.

– И мы с тобой, Нюся, закономерно туда движемся, и изо дня в день учимся понимать друг друга со словами и без слов. А представляешь, на каком высоком уровне будут общаться наши потомки?

Нюся гордо развернулась на 180 градусов и, задрав хвост, удалилась по своим делам.

– Вот, черт! Я и забыла, что у Нюси нет потомства.

По квартире разлилась музыка звонка. Это наверняка Катька увидела из окна вошедшую в подъезд подружку и давай названивать.

Рингтон становился с каждой секундой громче.

– Да!

– Ну что? Вернулась труженица со своего ристалища? – Катька никогда не здоровалась, – это означало такое слияние душ двух подруг во времени и пространстве, которое позволяло им обходиться без формальностей.

Создавалось впечатление, что они никогда не расставались.

– Вернулась...

– Видела я тебя в окно, как ты шкандыбала на своих каблучинах. Ну и зачем ты отпустила своего водителя в отпуск?

– Ему надо было...

– «Ему надо было»! А тебе не надо иметь личный транспорт в такую погоду?

– Кто знал, что в марте снова начнется зима.

– Все нормальные руководители отпускают секретарей, помощников и водителей в отпуск, когда сами туда идут.

– А я не помню, когда последний раз была в отпуске. У меня семья маленькая, а у него большая, ему времени свободного нужно больше. Катя, ты мне по этому поводу звонишь? Мне переодеться надо и перекусить.

– Мила... – после этого последовала торжественная пауза. – Я нашла тебе классного мужика!

– Катя!

– Что, «Катя»? Ты унижаешь мои профессиональные достоинства! У семейного психолога лучшая подруга не замужем! Ты хочешь рядом с собой видеть такого же обворожительного мужчину, как мой Виталик?

– Конечно, хочу! – Мила представила рядом с собой Каткиного Виталика, и к горлу подступила дурнота. – Послушай, заходи, вместе перекусим, а то на голодный желудок ты меня слишком раздражаешь.

– Жди.

Мила привычно стянула с вешалки домашние штаны и футболку и отправилась к Нюсе – просить у нее прощение за «потомство».

Кошка сидела на подоконнике мордочкой к улице, спиной к Миле.

– Нюся, котейка моя ненаглядная. – Кошка отрешенно посмотрела на шторы. – Любимая моя, самая лучшая на свете.

Мила перебирала пальцами по Нюсиной спинке с нежностью, на какую только была способна.

В дверь позвонили, и кошка, развернувшись, спрыгнула с подоконника.

– Ты чего так и не переделась? – спросила Катка, по-хозяйски окинув Милу взглядом.

– Не успела. У Нюси прощение просила.

– Простила?

– Нет.

– На хвост наступила?

– Хуже. Напомнила про потомство, которого у нее нет.

– Да какие наши годы, Нюся! Будет у нас потомство.

Кошка важно проследовала мимо Милы и, боднув Каткины ноги, замурчала.

Вероятно, в ближайшем будущем, «по принципу того же Дана», психологи перестанут делиться на людских и для животных.

Катка подхватила Нюсю на руки.

– Давай уже переодевайся и приходи.

Когда Мила пришла на кухню, сумки были разобраны, на столе все было порезано и разложено, как ей нравилось, а в сковороде что-то шкворчало и издавало запахи, которые она любила.

«Да. Долгие годы дружбы», – улыбнулась про себя Мила.

Катка поставила тарелки, подхватила сковородку и, давясь слюной, начала издаലെка:

– Как все-таки предательски устроен наш мозг. Мы можем месяцами сидеть на диете, а потом сорвемся и всё равно обожремся. Потому что наш инстинкт не догадывается, что сыр и масло, которые лежат в холодильнике, будут там лежать и завтра... – Мила вопросительно посмотрела на Катку: к чему это она клонит? – Ты спросишь меня: почему? А я тебе отвечу: потому что раньше, миллион лет назад, наши предки убеждались в обратном: надо есть, пока есть еда, завтра этой еды не будет. Это не я придумала, это научно доказанный факт. Мой учитель и кумир Бронислав Савушкин постоянно повторял тем дурехам, которые пытались не есть: «Против инстинкта не попрешь! Мы не так далеко ушли от животных, как нам кажется».

Катка действительно была прекрасно образована. Будучи из академической семьи, не гнушалась таких словечек, как: «обожрешься», «попрешь», да и матерком могла, – для лучшего усвоения сказанного ею.

– Тогда же, моя дорогая, – продолжила Катерина, – сложились и другие интересные инстинкты, доставшиеся нам по наследству. Вот, например, один из основных, и почти неосознанный мотив самца – быть успешным, а значит, иметь сыр, масло и колбасу в холодильнике, а значит – и интерес со стороны самок. Такой же основной, и почти неосознанный мотив самки – найти выгоду для потомства. И знаешь, один такой доминирующий самец появился в моем поле зрения...

– Ты это все для Нюси рассказываешь?

– Фу ты, Мила!

– У меня уже есть колбаса... и даже с маслом, и даже с сыром.

– Ну, причем здесь то, что у тебя есть! Инстинкт-то все равно остался!

– Так, и что я должна сделать со своим инстинктом и твоей информацией?

– Встретиться с этим самцом, то есть с Ильей Андреевичем.

Нюся вздохнула и попыталась прыгнуть с Каткиных колен.

– Тихо, тихо моя девочка, и для тебя найдется приличный кот.

Нюся смирилась.

– Закрой рот и слушай меня внимательно, – скомандовала Катерина. – Он бывший военный, сейчас на госслужбе, сын взрослый – коммерсант. В семье денег... куры не клюют. Мужик – мечта миллионов, с железными кулаками и добрыми глазами. Уже год как вдовец. Всего на каких-то семь лет старше тебя. Очень редкий экземпляр, хочет познакомиться с женщиной своего возраста. Обычно все денежные мужики хотят баб помоложе, – так сказать, за свои собственные деньги иметь товар лицом. А этот настоящий, особенный, думает о душе в первую очередь.

– Кать, неужели все построено на инстинктах?

– Абсолютно все!

– Вот объясни мне: почему я точно знаю, что мне нужен низкий каблук, а покупаю всегда высокий?

– Это просто. Причиной этого является половой диморфизм мозга человека, – Катка сделала многозначительную паузу для вопроса.

И Мила спросила:

– Диморфизм – что это?

– Различие. У мужчин и женщин половые центры находятся в разных зонах. У женщин половой центр связан со слуховой системой, а у мужчин – со зрительной.

– Мужчина любит глазами, а женщина ушами.

– Верно, отчасти потому, что примитивно. Вот сколько у человека органов чувств?

– Пять или шесть, – ответила Мила.

– Восемнадцать! – Катка начала возбуждаться. – А психологи-самоучки об этом не знают. В одном только ухе их три: рецептор углового ускорения, рецептор линейного ускорения и орган слуха. Так что не так все просто!

Мила тоже начала волноваться.

– Ладно, не будем так глубоко вдаваться в науку, – продолжала Катерина. – Итак, мужские предпочтения всегда связаны с внешностью женщины и пропорцией тела, а женщине важно, что она слышит. Звук проходит от органов чувств, и сначала попадает в половой центр, который расположен в самой древней части нашего мозга, и только потом в рассудочную систему, которая сформировалась у человека гораздо позже. И к моменту осознания человека человеком, – здесь Катка ехидно хмыкнула, – эмоционально-сексуальное отношение уже сформировано. Вот так!

– Необъяснимо!

– В том-то и дело, что все объяснимо. Психологи-самоучки учат мужиков всяким глупым, ласковым словечкам, а они после таких занятий терпят полное фиаско. А почему?

– Почему?

– А потому, что женщина делает свой выбор на основании тембра мужского голоса, пауз между словами, артикуляции, а не смысла слов. И ее половой центр – древний, как мир – безошибочно выдает в рассудочную систему: «Дорогая, это твой мужчина» или «Милая, тебе поможет только самовнушение, но рано или поздно оно тебя подведет, и никакие его миллионы и миллиарды не заставят тебя полюбить его. Хочешь быть счастливой? Беги отсюда!» А знаешь, в чем самый приколы?

– В чем?

– Ухо человека устроено так, что мы не можем слышать своего голоса, а значит – оценить его.

– Так вот почему наш голос в записи кажется нам чужим.

– Поэтому. И именно поэтому мужчина не в состоянии иначе смоделировать свой голос. А значит, не может повлиять на естественную реакцию женщины в отношении себя. Он безоружен!

– А женщина?

– А женщина может. И еще как! Она легко может вызвать у мужчины сексуальную реакцию... к примеру, с помощью каблучков.

– Так-так!

– Удлинение нижних конечностей у самок приматов – признак их полового созревания. Чем ярче самка демонстрирует свое созревание, тем быстрее и активнее ее заметит самец. Реакция на пропорции женского тела была заложена в мужчину еще в древние времена, когда он был далек от определения «человек разумный», так что женщины интуитивно выбирают обувь на высоких каблуках.

– С этим надо что-то делать, иначе я останусь без ног и спины.

– Выходи замуж. Сразу полегчает. Но не забывай, что рядом с тобой, прежде всего, мужчина, и твоей собственностью он не является, хоть и муж. Одевай для него каблучки хотя бы по праздникам.

– Катя! А что, если статистика разводов напрямую зависит от честного выбора женщины? Если она правильно, без обмана привлечет к себе внимание мужчины без так называемого расчета. И счастливых браков станет больше... Катя, этому можно научиться?

– Чему именно?

– Не врать самой себе.

– Можно, наверное... но не в нашей стране. Как ты объяснишь женщинам, которых на несколько миллионов больше, чем мужчин, что этот мужик, который предлагает переехать тебе из съемной квартиры в свои хоромы, вовсе не твой? А твой либо спился, либо погиб на полях битвы Афганистана или Чечни. Ей лучше остаться одной, но честной перед собой?

– Да. Ерунда получается. Катя, но есть же исключения?

– В чем именно?

– В правилах, по которым мы живем. Ведь может женщина жить одна и гармонично? Катя, ну, что ты молчишь?

– Есть.

– Расскажи!

– Не расскажу.

– Почему?

– Используюсь себе во вред.

– Не использую. А если использую, то не во вред.

– Значит, так. Женщинам действительно не стоит бояться одиночества, но не всем. Каким именно – объясню, если сходишь на встречу с Ильей Андреевичем. Мила, очень тебя прошу, сходи! Я ему уже твою фотографию показала. Ты ему очень понравилась.

– Катя, ну кто тебя просил? И фотография наверняка старая...

– Новая, ты мне присылала по электронке с последнего отдыха. Помнишь?

– О Боже!

– Мила, соглашайся. Не пожалеешь. А наградой тебе будет знакомство с отличным мужиком, плюс научно-обоснованная теория гармоничного женского одиночества. Не согласишься – останешься и без того, и без другого.

– Ну, ладно...

– Вот и молодец, – не дала договорить Катька. – Спасибо, все было очень вкусно. Я победила, а то Виталька начнет звонить.

Нюся тяжело спрыгнула с Катькиных колен и неспешно пошла к входной двери, провожать гостью.

– Имей в виду, к первому свиданию я тебя готовлю сама лично, – прокричала Катька уже около лифта.

Стемнело. Снежная буря за окном утихла, и шпиль Газпрома снова появился из-за туч, его стеклянный купол светился изнутри голубоватым светом. На краю неба, между домами, появилась круглая луна.

– Привет, подружка. Значит, сегодня среди ночи ты меня разбудишь, – улыбнулась луне Мила.

Сын по телефону сообщил, что останется у девушки.

– Поженились бы уже... что ли...

– Успеем, мам. Целую.

– Целую.

Горячий душ, приятная книжица сделали свое дело, и к глазам стал подступать блаженный сон. Нюся удобно устроилась около подушки Милы и заурчала.

«Простила», – улыбнулась про себя Мила.

Луна еще не встала над крышами домов. Часа через два, поднявшись высоко в небо, она заглянет в окно и разбудит хозяйку квартиры. А пока, убаюканная кошкой и ночной тишиной, Мила мирно засыпала в подушках своей кровати.

Повезло, как слепому петуху

Майор полиции, зам начальника управления по оперативной работе, Ландрин Иннокентий Петрович шел по ухоженной дорожке вдоль высоченных заборов загородных особняков. Неспешно и уныло продвигаясь вперед без какой-либо цели, в сумерках мартовского вечера он разглядывал богатое убранство верхних этажей домов.

Следом за ним, так же уныло, как будто передразнивая Ландрина, плелся коричневый с белыми пятнами пес. Один бок у него был в грязных подтеках из-за придорожной лужи, в которой он лежал.

Когда Петрович бросил свою машину на обочине и пошел по манящей вперед дорожке, сам не понимая, куда он идет, пятнистая дворняга, лежавшая в придорожной грязи, сначала бавкнула на него, а затем поднялась и, вильнув хвостом, увязалась следом.

«Надо бы прогнать», – подумал Петрович, но усталость прошедшего дня не дала ему это сделать.

Заныл левый висок. Петрович поднял голову и увидел, как на пастельное мартовское небо со стороны Москвы надвигается черная туча. Захотелось найти лавочку и присесть.

У Иннокентия Петровича была обычная милицейская судьба. После армии вернулся в захолустный городишко российской глубинки, в котором, впрочем, родился и вырос. С работой особо выбирать не приходилось – либо в бандиты, либо в челноки, либо в милицию. Попал в милицию, там дядька работал. И нисколько не пожалел об этом. Все бандиты-одноклассники приказали долго жить, челноки разорились, а он выучился и выслужился до майора.

Женился, родилась дочь. Работы в лихие девяностые было много. В битве за первоначальный капитал люди как будто озверели. Опергруппы, в которых он работал, а потом и возглавлял, как ночная стая волков кидалась от одной окровавленной жертвы к другой.

Как положено – расслаблялись, принимая на грудь и, как водится, были бабы, имена и лица которых он уже не помнил. Жена не выдержала, забрала дочь и уехала к матери в деревню. Он кричал в пьяном угаре, что догонит и пришибет, но так и не доехал до жениной деревеньки.

Так тянулись месяцы, а затем и годы. По своим милицейским каналам проставил в паспорт штамп о разводе, сам не зная – зачем. Левые деньги прогуливались, официальная зарплата по заявлению переводилась в отделение почты деревни, где росла дочка. И, как водится в таких биографиях, в один прекрасный день...

В один прекрасный день Иннокентий Петрович открыл глаза и уставился в потолок своей холостяцкой квартиры, затем, не поворачивая головы, перевел взгляд на окно без штор. Он знал, что любой поворот головы наполнит ее нестерпимой болью, и вся муть вчерашнего дня поднимется к горлу.

«Все! Больше не могу!» – услышал он голос внутри себя так явно, что даже испугался, и сотни иголок впились в кончики пальцев. «Надо заканчивать!» – не унимался голос.

Стараясь сильно не наклонять голову, он дотянулся до мобильного, лежавшего на прикроватной тумбочке.

– Сергеич! Узнал? Не выйду я сегодня.

– Петрович! Как это? – поперхнулся в трубку дежурный.

– Так это! В отпуск я иду.

Удивление дежурного было вполне обоснованным. Иннокентий Петрович за время своей многолетней службы на работе появлялся в любом, как говорится, состоянии. Не всегда гладко выбритым, но всегда вовремя, – без отпусков, больничных и прочих оправдательных отгулов. Он рывком открывал дверь своего кабинета, падал на стул и хватал верхнюю папку бумаг, с вечера оставленную поверх всех прочих, как самую важную.

– Я с руководством все сам улажу, – и нажал на кнопку «сброс».

Весь день Петрович промаялся от дурноты, бессмысленно переключая пультом каналы телевизора. К вечеру принял решение поехать к жене в деревню, дочку навестить.

От мысли о дочери на душе стало радостно и даже захотелось перекусить. В холодильнике лежало небрежно завернутое в фольгу сливочное масло и бутылка водки.

Петрович схватил масло и быстро захлопнул дверцу холодильника, опасаясь, по всей вероятности, что бутылка сама прыгнет к нему в руки и испортит все усилия дня.

Нашел в шкафчике остатки макарон и гречневой крупы, – сварил и то, и другое, обильно приправив блюда сливочным маслом. Макароны съел на первое, а кашу на второе.

На следующее утро, сидя в электричке, Петрович улыбался в окно дождливому августовскому дню. Он представлял себе первую встречу с дочуркой: она (почему-то, обязательно кудрявая блондинка) в коротком платьице, сидит на крылечке с книжечкой, медленно поднимает голову на отца, заслонившего от нее солнце...

В этом месте у Петровича щекотало в носу, и наворачивались слезы.

«Ты кто?» – испуганно спрашивала девчушка.

«Нюра! Неужто отца не узнала?»

«Папка! Родной!» – кричала девчушка и со слезами бросалась на шею отцу. Родная ведь кровь!

Украдкой от остальных пассажиров утерев накатившую слезу, Петрович продолжал любоваться мокрыми березами за окном, которые то и дело расступались, открывая безбрежные просторы полей и перелесков.

Выйдя из автобуса на нужной остановке, Петрович помялся на месте, разглядывая дома за полем и, определив крышу нужного ему дома, решил пойти не вдоль разухабистой дороги, а напрямки через поле.

Тропинка весело чавкала и скользила под ногами, сырой воздух был наполнен запахами увядающих цветов и надвигающейся осени. Из-за этой работы и полупьяной жизни Петрович и вовсе забыл, как пахнет поле.

По мере продвижения к знакомому дому, радость куда-то улетучивалась, а на смену ей приходило трусливое опасение. А вдруг его не ждут?

«Конечно, не ждут. Столько лет прошло. Ждали год или два, а потом и перестали. Надо было телеграмму дать или поискать общих знакомых, расспросить: что да как. Черт меня дернул приехать сюда! – запоздало корил себя Иннокентий Петрович. – А то как – в окно глянут и не откроют. Я буду стучаться в дверь, прибегут соседи со словами «Дома они дома, стучи громче». И ретироваться незаметно не удастся. Вот опозорюсь».

Мокрая тропинка довела своего путника до самой калитки, и под конец самым бесцеремонным образом попыталась скинуть его с себя, подставив под ногу мокрую кочку. Петрович с ужасом подумал о неминуемом падении, но в последний момент ухватился за штатетник калитки. Та жалобно скрипнула и приоткрылась. Петрович замер.

Не оставив ни секунды на размышления, дверь дома распахнулась, и на крыльцо шагнула кареглазая черноволосая девочка-подросток, как две капли похожая на мать Петровича в молодости:

– Вам кого? – бойко крикнула она.

Резкий спазм в горле и шум в голове снова попытались опрокинуть Петровича на землю. Собрав свою волю в кулак, он через силу выдавил:

– Мать дома? Я к ней, – и шагнул на ватных ногах вперед.

– Ма! К тебе, – крикнула девочка, нырнув обратно в дом.

В доме было тепло и опрятно, и казалось, ничего не изменилась с последнего визита Петровича, это обстоятельство помогло ему прийти в чувство. От окна кухни навстречу шла располневшая и розовощекая «бывшая».

– Привет, Ларис! Не ждали?

– Не ждали, – подозрительно спокойно ответила она. – Ну, проходи. Есть будешь?

Петрович с удовольствием скинул мокрые ботинки и, дойдя до стола по теплomu полу, сел на скамью. Отсюда, разглядывая избу, заметил присутствие мужика: большие сапоги у двери, рыболовные снасти в углу, ящик с инструментами, а на столе под разноцветным полотенцем вкусно пахло обедом.

– Мужика с работы ждешь? – как можно непринужденной спросил он «бывшую».

– Жду, – так же непринужденно ответила она.

Это спокойное слово «жду» острой иглой проткнуло Петровичу горло.

«А ты как думал? – уговаривал себя Петрович. – Баба ладная, хозяйственная. Ты чего ждал? Что она годами будет слезы лить у окошка?» Но на иглу в горле эти уговоры не действовали.

– Не обижает?

– Нет, – ответила Лариса. – А ты по делу или как?

– Навестить решил. Руководство намекает о переводе в Москву. Вот, заехал повидаться, – соврал Петрович, и сразу же почувствовал приятное облегчение.

– Ну, да. Ну, да, – уважительно закивала головой Лариса.

– А Нюрка как вытянулась!

– Да, растет, – Лариса наклонилась к уху Петровича и прошептала: – Она за перегородкой все слышит.

«Надо уходить, – подумал Петрович. – Вот, только, когда и под каким предлогом?»

В этот момент дверь избы распахнулась, и на пороге появился коренастый мужичок с коричневым не то от загара, не то от копоти лицом. Он стянул с головы кепку и привычным жестом, не поворачивая головы, набросил ее на крючок около двери:

– Здравствуй всем! – добродушно пробасил мужик. – У нас гости?

– Здравствуй, Вань. Познакомься. Это Ландрин Иннокентий Петрович.

По глазам Ивана было видно, что он все понял.

– Иван, – уважительно протянул он руку.

– Иннокентий, – так же уважительно привстав, ответил Петрович.

– Ну, вот и познакомились! Я вот только умоюсь – и за стол. Жена, обед готов?

– Готов. Готов, – Лариса начала суетиться, расставляя на столе тарелки. – Анюта, помогай!

На кухню вышла дочка. Исподлобья разглядывая отца, резала хлеб, раскладывала пирожки на блюде.

Петрович чувствовал себя не в своей тарелке. С тоской думал об оставленной в холодильнике бутылке. Надо было взять.

– А я с пустыми руками, – виновато заявил Петрович, – купил заранее бутылку, да дома забыл.

– И не надо, – ободряюще отозвался Иван, – у меня сейчас жаркое время – уборочная страда. Вот как! Я водителем в фермерском хозяйстве числюсь. Со всеми видами техники управляюсь. Завтра в четыре утра – за штурвал комбайна.

Петрович всегда уважал эту честную мужицкую профессию за ее сдержанность к выпивке и за привычку к порядку.

Разговор за обедом сначала не очень клеился. Общее напряжение постепенно рассеялось благодаря Ивану. Как ни странно, но Петровичу он нравился все больше и больше.

Не ревность, а глухая тоска поднималась со дна души Петровича, когда он смотрел, как Иван отхлебывал из ложки его, Петровича, счастье. А потом отламывал кусок от пирога, врезался в него губами, и снова отхлебывал из ложки, щурясь от удовольствия.

Разговор тянулся до самых сумерек: о погоде, о политике, об уборочной. Женская половина суежилась по хозяйственным делам в другом углу избы, не мешая мужскому разговору.

– Пойдем, покурим, – внезапно предложил Иван.

– Пойдем, – согласился Петрович.

Вечерняя влажная прохлада залезала под рубашки. Мужики молча смотрели на дымящееся туманом поле. Вредной привычки курить, надо признаться, не было ни у того, ни у другого.

– Дочь тебя отцом зовет? – спросил Петрович с замиранием сердца.

– Нет... зачем? Мы всегда ей с Ларисой говорили, что у нее есть отец, который заботиться о ней, деньги хорошие исправно присылает и придет к ней обязательно.

Петровичу захотелось сказать «спасибо» за жену и за дочь, но это слово было каким-то мелким рядом с Иваном. С этим человеком хотелось плакать, обнявшись, но знакомство было слишком коротким.

– Мы в избе тебе постелем.

– Не надо, лучше в баньке. Жива банька-то?

– А как же! Крышу этим летом перекрыл. Как новая теперь.

Петрович сгреб в охапку приготовленную Ларисой постель и пошел вниз к речке. Банька стояла на прежнем месте, скрытая от посторонних глаз ивняком и бурьяном. Не зажигая света, бросил свернутую постель на пол, сел сверху и втянул в себя, до боли в груди, запах березовых веников. От всего пережитого выпить хотелось очень.

«Надо было взять эту злосчастную бутылку из холодильника», – подумал Петрович.

Так и не расстелив постель, дождался утреннего рассвета, вышел в серую утреннюю мглу, скинул одежду на мокрый берег и бухнулся в ледяную воду речки. На смену ночной тоске пришло радостное возбуждение.

Все, теперь будет все иначе!

Зацепившись за корягу, вышел на берег. В постельном белье нашел заботливо сложенное полотенце. Растерся до жара в теле и почувствовал усталость. Надо было возвращаться домой, и спокойно подумать, как дальше жить.

С этой мыслью Петрович быстро оделся и зашагал наверх из оврага. Поравнявшись с домом, замедлил шаг в нерешительности... надо бы попрощаться.

Вдруг занавеска на окне дернулась, и через секунду на крыльцо вышла Нюра.

– Доброе утро, пап!

– Доброе, дочка!

Девочка подошла совсем близко, Петрович обнял ее одной рукой за плечи и уткнулся губами в ее волосы.

– Нюр, ты проводить меня вышла?

Дочка кивнула.

– Пойдем тогда к автобусу.

– Пап, не называй меня Нюрой. Хорошо?

– Не буду. Анна Иннокентьевна. Так лучше?

– Можно просто – Аня.

Они шли по полю, смеясь. Он – обняв ее за плечи, она – ухватившись за его ладонь. Петрович чувствовал, что Лариса и Иван смотрят им вслед.

– Ты учиться дальше собираешься?

– Собираюсь.

– В Москве?

– Ага.

– Меня к тому времени переведут по работе в столицу. Слышала?

– Слышала.

– Приедешь на время учебы ко мне?

– Приеду... если не женишься.

– А чем тебе помешает моя жена? Может, она человеком будет хорошим... Я только на такой женюсь.

– Пап, ты такой красивый, она ревновать тебя будет.

Петрович хохотал громко и с удовольствием, и если бы не утренний туман, его хохот был бы слышен на другом конце деревни.

– Я красивый?

– Очень, как голливудский киноактер. Только, измученный немного.

– Ань, ну, ты скажешь тоже...

Петрович много раз пересказывал этот диалог своим сослуживцам, а те внимательно слушали, понимая важность момента.

«А что «бывшая»?» – спрашивали они.

«А «бывшая» умоляла остаться. Ну, чем бы я стал там заниматься? Все! Разошлись пути-дорожки. У нее там хорошая работа, уважением пользуется у односельчан», – отвечал Петрович.

Про Ивана он никому не рассказал, мужская гордость не позволила.

С тех пор Петрович, как одержимый, шел к своей цели. Обещание, которое он дал дочери, должно было быть выполнено в срок. Этот срок равнялся шести годам. С одной стороны – не мало, а с другой стороны – кто его знает, как оно пойдет?

Непочатая бутылка водки из холодильника перешла по нужде к кому-то из соседей. Подчиненные шутили поначалу, ждали от своего руководителя послабления по этому вопросу, а когда почувствовали в нем эту одержимость, стали сторониться и перешли с руководителем на «Вы».

Благо, на дворе были двухтысячные. Левые заработки стали постоянными, сложился даже некий тариф: за расторопность, за особое внимание к делу или наоборот – за его отсутствие. Попадались и правдолюбцы, но их было мало. У Петровича был особый на них нюх, и он понимал, где можно, а где нельзя. Заходил при случае к областному руководству, напоминал о себе. Ему обещали, что «как только, так сразу».

Дочери переправил в деревню мобильный телефон. Радовался каждой ее СМС-ке, как чумной. К праздникам и просто так слал почтой дополнительные денежные переводы и открытки – самые красивые и самые дорогие.

Жизнь для Петровича обрела особый смысл. Эти люди в глухой деревеньке стали воплощением его счастливой жизни, которую они проживали там за него. Ему хотелось, чтобы эта жизнь была у них в полном достатке. Хотелось, как для себя. Но объяснить, рассказать об этом он не мог никому – не поняли бы. Сердце его таяло от счастья, когда он слышал ответ дочери: «Пап, ничего не надо, у нас все есть!»

И вот – долгожданный звонок «сверху».

Какой-то дуралей то ли взял слишком много, то ли отказался взять слишком мало. Короче, вбили ему кол со словом «оборотень» меж наградных медалей, и отправили куда подальше. Сверху спустили распоряжение: с целью борьбы с коррупцией взять на эту должность человека из глубинки с безупречной репутацией и послужным списком. Выбор пал на Петровича.

Хоть это была и не сама столица, а ближайший ее пригород, для многих москвичей это место было недостижимой мечтой. И денег за должность взяли с Петровича на удивление немного. А почему? Петрович понял потом.

Ему, как одиночке, не надо было предоставлять целую служебную квартиру. Он согласился на комнату в общежитии. Старый «Москвич» без водителя – это нормально на первое время. Хорошую машину надо было заслужить.

Вся соль была в жителях этого района. Это были люди такой высоты и такого достатка, что даже Петровичу, с его не самыми строгими взглядами на жизнь, было не понять – как можно было «заработать» себе на такую жизнь? И что должно было произойти с Петровичем, чтобы он смог обосноваться среди этой публики? И как они с дочкой будут ютиться в общежитии, когда она придет поступать в столичный институт? Ответить на эти вопросы он себе не мог.

За поворотом наконец-то показалась долгожданная лавка, заботливо прилаженная рядом с въездными воротами роскошного особняка.

Все тело ныло от напряжения. Работать на свою репутацию в новом коллективе первое время надо было за троих.

Сев на лавку, Петрович еще раз окинул взглядом высокие заборы и особняки. Дворняга тоже доплелась до лавочки и осторожно положила морду рядом с рукой Петровича.

– Вот оно как вышло, – обратился Петрович к дворняге, – повезло же мне, как слепому петуху, нашедшему зерно, – и положил руку на крутой собачий лоб. Дворняга лизнула руку и облегченно вздохнула.

За забором послышался рокот работающего механизма, въездные ворота вздрогнули и стали расходиться.

«И здесь не дают отдохнуть», – с досадой подумал Петрович.

Рокот внезапно прекратился, и в проеме ворот появился ухоженный дедок в стеганом пуховике.

«Сторож, наверное», – подумал Петрович.

– Вы к кому, милый человек? – спросил дедок.

– Ни к кому. Просто передохнуть решил. Если нельзя, я уйду.

– Нет-нет. Оставайтесь. Я подумал – может, участковый... – дедок перевел взгляд на погоны Петровича, – а теперь вижу, что нет. Хотите чаю? У меня есть отличный чай с мятой.

– Нет, спасибо. Мне надо идти. Да и хозяину дома это может не понравиться.

– Может. Он такой... – захихикал дедок. – Ну, как знаете. Дай Бог, свидимся еще.

Дедок развернулся к проему ворот, окинул взглядом забор и снова повернулся к Петровичу:

– А у вас редкой красоты лицо, очень породистое, – сказал он уже совсем другим голосом.

Петрович заметил странные огоньки в глубине глаз дедка: «Нет, это не сторож», – подумал он.

– Спасибо, – пожал плечами Петрович.

Петрович поморщился, когда дедок шагнул за ворота. Его раздражало внимание к собственной внешности. Дамы любых возрастов и мастей, которые пытались покуситься на его одиночество, очень быстро отказывались от этой идеи. У него в арсенале для подобных случаев имелись: и тяжелый неприветливый взгляд, и словечко неласковое. Вероятно, та постыдная, разгульная жизнь с ее многочисленными случайными подружками сделали свое дело. Нет, не то, чтобы у Петровича что-то нарушилась с мужским здоровьем, просто отвращение было моральное.

Странный дед изменил ход мыслей Петровича. В голове застрял вопрос: «Кем бы мог быть этот подозрительный старик?»

Сильный ветер поднял пыль и песок. Из нависшей черной тучи хлопьями посыпался снег, и завьюжило, как в феврале.

Петрович быстрыми и большими шагами пошел в сторону припаркованной машины. Снег слепил глаза, стегал по лицу и кусал за уши.

Ну, и погодка! Пришлось перейти на бег.

Добежав до машины, Петрович плюхнулся на сиденье, стряхнул с головы хлопья снега, включил зажигание, и в тот момент, когда он уже собирался нажать на педаль газа, бросил

взгляд на боковое пассажирское стекло. Два умоляющих светло-коричневых глаза смотрели через это стекло в самое сердце Петровичу.

Шапка снега быстро росла на голове пса. Он встряхнулся от белоснежных хлопьев, и снова прижался кожаным носом к стеклу, как будто боялся, что его не увидят через снежную мглу, и завилял хвостом.

Петрович нагнулся, дернул ручку пассажирской двери и скомандовал собаке:

– Залезай! Быстро! И сразу на заднее сиденье.

Пес одним прыжком заскочил в машину, протиснулся между передними сиденьями и затих сзади.

«Господи! Что я делаю?» – подумал Петрович, но машина уже мчалась по шоссе.

– Ну, и как тебя величать? – обратился он к собаке через зеркало заднего вида. – Как я тебя представлю коменданту общежития? Зверь без определенного места жительства – БОМЖ. Бомжа? Бома? Боня? – На «Боню» пес отозвался прижатыми ушами и одобрительным постукиванием хвоста по сиденью автомобиля. – Хорошо, – согласился Петрович, – будешь Боней.

Ночной гость

Окно отбрасывало лунную дорожку, которая начиналась у изножья кровати и по диагонали заканчивалась на подушке.

Яркая луна ослепляла, и Мила передвинулась в тень на соседнюю подушку, медленно открыла глаза и с удивлением обнаружила Нюсю неподвижно стоящей в свете ночного светила и смотрящей в угол спальни.

Мила перевела взгляд в ту же сторону и замерла.

В углу спальни было что-то большое и черное, схожее по очертанию с сидящим мужчиной, наклонившим голову.

Мила зажмурилась. Что это может быть? Вещи, приготовленные для химчистки? Сын привез что-то громоздкое и оставил в спальне?

Так и не придумав никакого объяснения этому явлению, она решилась посмотреть на это «нечто» еще раз, сквозь ресницы взглянув в угол спальни.

Угол был пуст.

В следующее мгновение ее сковал панический ужас. У окна, спиной к ней, стоял мужчина. Его длинные волнистые волосы спадали на могучие плечи, покрытые длинным плащом. Он смотрел на луну.

Мила почувствовала, как от ужаса сжимаются пальцы ног. Она захотела крикнуть, но крик застрял в горле.

– Значит, все объяснимо? – спросил мужчина.

Его невероятно обворожительный голос ударил Милу в грудь, затем теплой волной растекался по губам и животу, тело обмякло в блаженстве.

– Звук голоса, проходит от органов чувств, попадает в половой центр, расположенный в древней части мозга, затем в его рассудочную систему... и к моменту осознания человека человеком эмоционально-сексуальное отношение уже сформировано... – я правильно все запомнил?

– Правильно, – замороженным голосом ответила Мила.

– Ну, надо же, а я думал, что именно в рассудочной системе начинается все самое интересное, – ответил он с усмешкой и отвернул лицо от луны.

Его четкий профиль на фоне окна был, как бы это сказать, неправильно красив. Упрямый подбородок сильно выдавался вперед, капризная нижняя губа была значительно больше верхней, прямой вытянутый нос и тяжелые надбровные дуги. Миле этот профиль показался совершенным.

– Рассудочная система – какое простое словосочетание. Я больше привык к другим эпитетам: «душа», «мировой разум».

– Ноосфера, – выдохнула Мила.

– Тоже хорошо, – согласился ночной гость. – Ты нужна мне, – после короткой паузы добавил он. – Не сегодня. Я скажу, когда.

Он повернулся к окну спиной и направился к двери спальни.

На каждое его движение тело Милы отзывалось сладкой истомой. Мысль о том, что она лежит в пижаме, а не в шелковой сорочке, немного портила момент.

Вопреки ее тайным надеждам, ночной гость прошел вдоль изножья ее кровати, вышел из спальни и, судя по шагам, направился на кухню. Нюся последовала за ним. Из кухни потянуло холодком.

Мила со стыдом подумала о пустом холодильнике.

Спустив ноги на пол и забыв про тапочки, она пошла на цыпочках на кухню. Холодильник стоял нетронутым, а вот балконная дверь на кухне была нараспашку. В проеме распахнутой двери сидела Нюся и смотрела в небо.

– Что это было? – громко спросила себя Мила.

Войдя в ванную комнату, она включила душ, взглянула на себя в зеркало и, погладив свои длинные темные волосы, критично заметила:

– Надо худеть!

Под горячим душем Мила попыталась найти логику в происходящем:

– Ко мне в квартиру пробрался мужчина, судя по всему давно и в мое отсутствие, так как подслушал наш с Каткой разговор. Он сказал, что я буду нужна ему... потом. Однако я была согласна уже сегодня, – эта мысль настолько шокировала Милу, что она перестала поливать себя из лейки душа. – И он ушел через балкон... Может, у меня гормональные перестройки так начинаются?

Выключив воду и насухо вытерев себя полотенцем, она отправилась нагишом в спальню, с твердым намерением обдумать все завтра. Подоткнув со всех сторон одеяло, закрыла глаза и погрузилась в сон.

* * *

Узкие мощенные улочки Лиона, еще не разогретые утренним солнцем, отдавали прохожим свою каменную прохладу. Туман от болот, гонимый солнечными лучами, отступил от города и клоками повис на платанах и кустарниках, растущих на берегах стремительной Роны и нежной Соны.

Ловко перепрыгивая сточные канавы, вниз по улице бежала белокожая красавица. От быстрого бега ее светлые волосы непослушными прядями выбились из-под чепчика, и ей все время приходилось убирать их с лица свободной рукой, а второй поддерживать подол длинной юбки, чтобы она не попала в помой, скопившиеся вдоль сточных канав.

Одежда красавицы говорила о ее незнатном происхождении, а чистота и опрятность платья о том, что девушка из хорошей, зажиточной семьи.

Встречные мужчины задерживали на ней свои взгляды, некоторые даже останавливались и смотрели ей вслед, пока ее легкая фигурка не скроется за углом очередного дома. Монахи же, спешившие на службу, быстро отворачивали от нее лицо и, глядя на булыжники мостовой, бормотали себе под нос молитвы, перебирая четки с католическим крестиком, пытаясь вернуть свои мысли к Богу.

– Кто это? – спросил безусый подмастерье своего спутника, возрастом постарше.

– Авелин Дангон. Дочь известного ткача и художника Клода Дангона. Под ее окнами стараются проложить свой маршрут для прогулок многие завидные женихи Лиона. Но ее отец не принимает сватов. Поговаривают, что он сектант.

– Сектант?!

– Да. Вероятно, он хочет выдать свою дочь замуж за такого же самокрещенца. Одному свату он заявил, что его дочь выберет себе мужа сама и пойдет под венец по любви.

– Слыханное ли это дело, девушке из порядочной семьи выходить замуж без отцовского влечения?! Наверняка это отговорка. Просто еще не подобрал дочери жениха из «своих».

– Что мы стоим? Опоздаем на мануфактуру и лишимся заработанных денег! – И молодые люди опрометью понеслись вверх по улице.

Авелин Дангон продолжала бежать вниз по улице, навстречу звуку колокола католического храма. С самого утра она почувствовала, что начало этого дня какое-то особенное. Что-то изумительное должно приключиться с ней сегодня. Такое часто случается с юными девами, когда рассвет предвещает чудо и охватывает все существо необъяснимым счастьем. Это потом,

по прошествии многих лет, в более зрелом возрасте человек начинает свой день с тревоги и дурных предчувствий. Люди зачем-то сами отравляют себе жизнь неоправданными страхами, полагая, что это позволяет им быть начеку, а на самом деле – заставляют себя быть добровольно несчастными.

Авелин разбудила заря, залившая ее комнату алым светом через окно, которое ее матушка Мария забыла закрыть вечером деревянными ставнями. Вместе с красными лучами солнца комнату наполнил гомон птиц, похожий на неслаженный оркестр, состоящий из чудесных инструментов и талантливых музыкантов, у которых просто нет дирижера.

Ей захотелось как можно быстрее оказаться на улице, чтобы стать непосредственной участницей этой завораживающей мистерии рождения нового дня. Она быстро оделась и выбежала из дома. Матушки не было во дворе, вероятно, она ушла по своим делам. Ее часто приглашали к себе многочисленные знакомые семейства Дангон, которые вызывали матушку во двор и с загадочными лицами что-то шептали ей на ухо. Матушка, выслушав просителя, спешно собирала в платок книги, хранящиеся в нише стены за гобеленовой картинкой, и выходила на улицу. Если дома был отец, освободившийся от своих дел на мануфактуре, он принимал участие в сборах и заботливо сопровождал жену.

Авелин шагнула на мостовую, дверь за ней хлопнула, лязгнув металлическим кольцом. Что делать дальше – девушка не понимала. Должен быть знак, но какой? Она не знала.

И вдруг раздался звук колокола. Такого пронзительного и такого зовущего звона она раньше никогда не слышала. Он не звал, он приказывал явиться на его зов, и Авелин побежала в ту сторону, откуда он доносился.

Семейство Дангон жило на холме Круа-Рус, где было сосредоточение складов и цехов шелковых мануфактур Леона, а католический храм и базилика находились на холме Фурвьер. Недаром сами лионцы часто любили поговаривать, что холм Фурвье «молится», а холм Круа-Рус «работает».

Путь Авелин лежал через весь Круа-Рус, застроенный плотно прилегающими друг к другу каменными домами. Для сокращения своего пути она смело ныряла в темные трабули – крытые длинные переходы между улочками, предназначенные для безопасного проноса свертков шелка лионскими ткачами, дабы не подвергать драгоценную материю превратностям погоды.

Чего только не рассказывали лионские домохозяйки, приходившие в дом семейства Дангон, про эти самые трабули, пока ждали возвращения матери Авелин. В основном эти рассказы сводились к необдуманным поступкам молодых женщин, случайно, по незнанию попадавших в трабули, где их встречала компания ткачей, которые удовлетворяли свои похоти с заблудшей овечкой такими способами, которые совсем не рекомендовала католическая церковь при зачатии детей.

Авелин слушала эти истории, – скорее похожие на фантазии уставших от семейного однообразия женщин, чем на правду, – спрятавшись за разошедшейся дверью, отделявшей гостиную от кухни. Она много раз ходила по трабулям вместе с отцом, когда он брал ее с собой в мастерскую по росписи шелка, и никогда ничего подобного в них не наблюдала.

Она обожала эти дни, проведенные вместе с отцом на его работе, – он старался брать ее туда, когда хозяин мастерской был в отъезде, так как там были установлены жесткие правила: вход для женщин строго запрещен. Считалось, что женская природа может помешать божественному созданию орнаментов на драгоценном шелке. Но отец Авелин был на особом счету. Он был непревзойденным мастером своего дела. Поговаривали, что имя Клода Дангона знал даже сам Людовик XIV – Король Солнце. И по разрешению хозяина, желательно, в его отсутствие, Авелин могла появляться в мастерской.

Пока отец работал, Авелин сидела на высоком деревянном табурете и, затаив дыхание, слушала отца, который без умолку рассказывал ей о кельтских друидах и правителе Атепо-

маре, основавшем по указанию оракула город Лугдунум, стоявший когда-то на месте Лиона. О войне галлов и древних римлян за этот город. О развалинах древнеримского амфитеатра на холме Фурвьер, который посещали императоры Август, Тиберий и Клавдий. О бесчинствах императора Калигулы, который был дурным человеком, так как он был язычником, и ему было не ведомо откровение Господне. О бесстрашных Каролингах, кочевавших из города в город и оставлявших в холмах Лиона бесчисленные богатства, награбленные в дальних походах.

Больше всего Авелин завораживало объяснения отца, чем религия Христа превзошла религию древних греков и древних римлян, почему знание жития святых великомучеников для человека полезнее, чем знание мифов о языческих богах и полубогах.

Однако мифы ей нравились гораздо больше, чем житие святых. Мифы были бесконечно наполнены прекрасными телами, неземной любовью и продолжением жизни. Житие же святых, напротив – смертями и истязаниями плоти своей и своих родных. Что-то ей подсказывало, что жизнь человека и его близкого дороже, чем его убеждения. Как можно было возрадоваться смерти любимого мужа, отдавшего свою жизнь за веру? Она точно про себя знала, что такой поступок возлюбленного опечалил бы ее на всю жизнь.

Но делиться этими мыслями с отцом она побаивалась, а с подружками ей было не интересно. Мир Авелин был намного больше и богаче, чем мир ее сверстниц, ограниченный, в лучшем случае, стенами их комнат, наполненных рукоделиями и изображениями святых, а то и вовсе – одним чепчиком, повязанным вокруг прелестной и пустой головки.

Когда отец Авелин отступал на шаг от созданного им шедевра, она спрыгивала на пол со своего табурета и разглядывала вместе с отцом его работу. Каждый раз она отмечала про себя, что завитушки узора на ткани удивительным образом похожи на тот рассказ, который она только что слышала от отца.

Так, чередуя между собой темные трабули и залитые солнцем улочки, Авелин оказалась на набережной Соны, с которой она увидела людей, стекающих к Собору Сен-Жан, расположенному между холмом Фурвьер и рекой. Вбежав в Собор, Авелин удивилась большому количеству горожан, созванных, как и она, звуком колокола. Глаза быстро привыкли к полумраку, и в глубине храма она разглядела, как стража его преосвященства Епископа Лионского оттесняет людей от возвышения, на котором стоял он, собственной персоной, а рядом – высокий мужчина в белых одеждах.

Движимая любопытством и тайным предчувствием, Авелин стала протискиваться через прихожан, стараясь не толкать их своим гибким телом. Подойдя ближе к возвышению, она услышала нарочито тихую речь Епископа, который пытался таким образом успокоить еще не устоявшуюся толпу, и заставить вслушаться окружающих в каждое его слово.

– Миряне, добрые жители нашего города! Я созвал вас сегодня перед службой, дабы сообщить о страшной напасти, разъедающей наш город, – последовала многозначительная пауза, и в храме воцарилась тишина. – Его Святейшество Папа Римский лично озаботился происходящим в Лионе. Ибо оскудела его паства, и заблудшие овцы, влекомые посулами Сатаны, забыв о страхе перед Богом, бредут по «дороге гибели», в пасть Гиены Огненной. Наш город окутала ересь!

Гул голосов прокатился по толпе и снова стих. Епископ продолжал:

– Эти посланники Сатаны скрываются под личиной и одеждами добропорядочных горожан, но по ночам они скидывают свою лицемерную маску и устраивают свои гнусные оргии. Они вступают в отвратительные связи друг с другом, они делают это даже с собственными детьми! Они отрицают Святой Престол! Они сами проповедуют религию Христа, переписывая Библию на язык простолюдинов! Они исповедуют друг друга во время учиненного ими разврата! Они обливают грязью Католическую Церковь, утверждая, что таинства и индульгенция придуманы Церковью только для отбирания денег у прихожан! Эти сектанты называют себя сатанинским именем – вальденсы!

По мере перечисления всех ужасов, творимых сектантами, епископ все больше и больше повышал голос, толпа отвечала ему нарастающим гулом. Выкрикнув название секты, он вскинул руки к сводам Храма, и толпа затихла.

– Отец наш, Его Святейшество Папа Римский, протянул нам руку помощи, – епископ повернулся к человеку в белых одеждах и, вытянув в его стороны руки, торжественно произнес: – Приор ордена Святого Доминика – Жан Поль Батиста Лоба!

В пятно света, падающего из бокового окна на край возвышения, шагнул монах в белой тунике. Его тонкую талию охватывал кожаный пояс, на котором висели четки, белая пелерина с капюшоном легкими волнами покрывала плечи, светлые волнистые волосы, затянутые в хвост, и серые умные глаза рождали у окружающих ощущение безупречности. Всем своим обликом он напомнил Авелин небесного ангела. Именно такими – светлыми, в белоснежных одеждах – она представляла себе этих небожителей.

Она с удовольствием отметила сходство его внешности со своей. Такого же цвета волнистые волосы, непослушный завиток над левым виском, одинаковый изгиб темных бровей, цвет глаз и даже родинка над верхней губой расположена слева, как и у нее. Сердце Авелин бешено заколотилось, в голове зашумело. Ей захотелось закричать или громко рассмеяться, чтобы он заметил ее в толпе. Она еле сдержала себя от этого поступка.

По губам монаха было видно, что он что-то говорит, но волнение Авелин не давало ей услышать ни одного слова. Она сделала усилие и прислушалась к его словам:

– Я объявляю четыре месяца милосердия, сроком до осени, в течение которого все лионские еретики могут прийти и покаяться перед лицом Святой инквизиции. По окончании этого срока, если не окажется покаявшихся еретиков, Святая инквизиция начнет розыск. И каждый местный житель должен будет под присягой указать на еретиков или подозрительных горожан. Передайте это всем, кого встретите на своем пути. И пусть никто не говорит, что он не знал о сроке милосердия – Святая инквизиция не будет принимать во внимание эти доводы!

Толпа зароптала и стала раскачиваться в разные стороны. Авелин ловко проскользнула к выходу. Вышедшие на улицу люди собирались в кучки для обсуждения услышанного. Девушка не стала останавливаться около них, она не могла стоять на месте. Охватившее чувство заставляло ее быстро двигаться, чтобы выплеснуть наружу ту яростную силу, которая образовалась внутри нее. И она побежала к холму Фурвьер.

Цепляясь за камни и молодую траву, она карабкалась вверх по склону. Сочная трава лопалась в ее руках, Авелин падала на колени и снова вставала, смеясь. В какой-то момент она услышала звук рвущейся ткани подола, но это ее совсем не опечалило. Теперь она была наполнена совсем другими значениями, и порванное платье не могло расстроить ее.

Добравшись до нужного уступа холма по еле приметной тропинке, Авелин побежала вдоль каменных отвесов к густо поросшему кустарнику. За этим кустарником вниз по склону раскинулись уступы древнеримского амфитеатра. Авелин бывала здесь частой гостьей. Отпросившись у матери под благовидным предлогом на службу в Собор Сен-Жан, постояв у дверей собора для приличия минут пять, она приходила на это место. Здесь ей был знаком каждый камень. Она садилась на самое большое по площади каменное возвышение, расположенное по центру амфитеатра, и представляла себе, как император Клавдий с приближенными смотрел с этого возвышения представление, разыгрываемое в честь его приезда местными жителями. Иногда она спускалась вниз, на площадку для актеров, и разыгрывала для себя сценки из жизни древнеримских героев, в огромном количестве рассказанных ей отцом.

Однажды, когда всю их семью позвал к себе сосед, по случаю рождения у него первенца, отец, позволив себе лишний стаканчик красного вина, рассказал Авелин страшную историю о безбожнике Калигуле, приехавшем сюда провести свои владения:

Всю ночь в своем шатре Калигула принимал подношения и вина от знатных горожан, а, когда насытился дарами, повелел подобрать ему самых красивых девственниц для вечер-

него представления. Пообещав при этом, что хорошо заплатит тем, кто приведет красавиц для отбора, который он будет проводить лично.

На следующий день гордые родители привели к нему самых красивых дочерей города. Калигула лично отобрал пять из них, называя девушек именами прекрасных богинь Олимпа: Юноной, Церерой, Вестой, Дианой и Венерой. За один день придворные портные сшили девушкам туники из тончайших тканей, им дали в руки символы этих богинь, а волосы украсили самыми красивыми цветами, растущими на холме.

Калигула приказал втащить на площадку для актеров большой плоский камень и украсить его цветами. Никто из горожан не знал, зачем он это сделал.

Этому не придали особого значения, взоры всех собравшихся были обращены на прекрасных представительниц города, которых поставили на деревянные пьедесталы вокруг площадки.

Представление началось на закате. Придворные актеры в масках разыгрывали сценки из жизни богинь, стоявших на пьедесталах. Стражники разносили неразбавленное вино, угрожая расправой тем, кто отказывался его пить.

Горели факелы, играла музыка, смеялись люди, разогретые крепленными напитками. В какой-то момент актеры в масках начали выкрикивать непристойности в адрес девушек-богинь, задирая свои туники и оголяя причинные места. Поначалу все смеялись, но действие опустилось до такого бесстыдства, что женщины стали отворачиваться от актеров, а мужчины густо краснеть.

Бедные девушки не знали, куда себя деть, переминаясь на площадках пьедесталов. Одна из них оступилась и полетела в толпу людей в масках, ее подхватили на руки и понесли на камень. Положив бедняжку на спину, люди в масках, стоявшие по бокам, схватили ее за руки и за ноги, а один из них, вскочив на камень, сдернул с девушки тунику и начал ее насиловать на глазах у всей публики.

Женщины закричали, мужчины вскочили со своих мест. Смелчакам, рвущимся на помощь девушке, стража вспорола животы, и толпа отхлынула назад. Остальные девушки попытались спастись бегством, но их также подхватили на руки и отнесли к камню. Содрав с них туники, прислонив юных красавиц спинами и животами к бокам камня, их подвергли той же участи, что и первую.

Калигула иступленно кричал, расплескивая кровавое вино из кубка на свою одежду:

– Все пьют вино! Все пьют вино за самое лучшее представление в этом городе!

Его свита визжала, ломаясь в неистовом танце. Люди в масках сменяли друг друга у тел несчастных, которые сначала звали на помощь, а потом затихли, истекая кровью. Матери девушек рвали на себе волосы и безуспешно молили о пощаде, их отцы остолбенели от горя.

Когда люди в масках стали обессилено валиться на каменный пол площадки, оставляя растерзанные тела девушек, Калигула, высоко подняв над головой кубок, крикнул:

– Ну что? По заслугам получили «свое» эти развратные богини?

– Получили! – вразнобой откликнулись актеры.

Император окинул мутным взглядом горожан:

– Разве я должен кому-то заплатить за это великолепное представление? Похоже, что вы должны мне за это неповторимое зрелище.

В ответ никто не проронил ни звука.

Император ухмыльнулся и, довольный собой, удалился из амфитеатра. За ним потянулась его свита, затем актеры, и замкнули это шествие стражники.

Оскорбленные произошедшим, горожане еще долго сидели на ступенях амфитеатра. Те девушки, которые выжили после этой оргии, тронулись умом. Их родители за один вечер превратились в седых стариков.

Обагранный кровью камень попытались скинуть к подножью холма. Те, кто был в ту ночь в амфитеатре, проклинали это место и поклялись больше никогда не возвращаться сюда.

Рассказывая эту историю, отец плакал, прижимая к себе Авелин. И она понимала, что в этом рассказе заключен весь страх отца за судьбу своей дочери. Она гладила его по руке и успокаивала, как могла.

Всю ночь она не спала, и с первыми лучами рассвета отпросилась у матери на службу в Сен-Жан.

Минуя собор, Авелин коротким путем побежала к амфитеатру. Спотыкаясь о корни, ломая сучья кустов, она продиралась сквозь заросли в поисках камня, на котором замучили девушек. И нашла его. Он лежал, надтреснутый пополам, в гуще зарослей, неподалеку от площадки для актеров, похожий на ложе. Это был, без сомнения, он.

Хватаясь за ветки, Авелин забралась на камень и, сев на корточки, опустила на него руки. В следующее мгновение ей показалось, что она слышит стоны и мольбу о помощи. Горло заболело от подкатившегося к нему кома. Дыхание перехватило от безудержного рыдания, и Авелин повалилась животом на камень. Она плакала, обняв камень, и обещала помочь звавшим на помощь голосам. В то утро она точно решила для себя, что главное предназначение всей ее жизни будет заключаться в защите невинных – это станет смыслом всей ее жизни. А как она это сделает – будет понятно потом.

Обессиленная от рыданий и ночной бессонницы, девушка уснула. Когда она проснулась, солнце уже стояло высоко. Нестерпимо болел живот, и ломило поясницу. Преодолевая боль, Авелин встала на камень, и почувствовала влагу между ног. Подняв юбку, увидела кровь.

По улицам она шла, как в забытии. Заметив на пороге родного дома матушку, обеспокоенную ее долгим отсутствием, бросилась к ней со всех ног:

– Мамочка! Я заболела страшной болезнью, я скоро умру!

Обняв мать за талию и уткнувшись ей в плечо, Авелин начала сбивчиво объяснять, что с ней произошло. Она с ужасом представляла себе реакцию матери на страшную весть, и как они с отцом, обнявшись, будут плакать над ее кроватью. Им вдвоем останется только ждать ее смерти, ведь такой недуг невозможно показать врачу.

Выслушав сбивчивую историю, Мария взяла ладонями голову Авелин и отняла от своего плеча.

Когда девушка открыла глаза, она с удивлением обнаружила улыбку на лице матери:

– Это не болезнь, моя девочка. Это моя ошибка. Ты слишком мало общаешься со своими сверстницами. А я, как и многие родители, не заметила, как ты выросла. Сейчас я тебе все объясню.

Три дня Авелин пролежала в постели с сильным жаром. По ночам ей снились кошмары: люди в масках, факелы, крики женщин и леденящий хохот обезумевшего Калигулы. Утром четвертого дня она почувствовала облегчение и вышла из спальни.

На кухне она застала отца. Они обнялись с ним, как после долгой разлуки. Он поцеловал ее в макушку и ушел по своим делам.

– Как ты? – спросила с улыбкой мать.

– Мне уже лучше, – ответила Авелин. – Теперь так будет всегда?

– Нет. Дальше все будет намного спокойнее. Ты привыкнешь.

«Как к такому можно привыкнуть?» – недоумевала Авелин. Но наконец-то она поняла, почему женщины носят длинные юбки и сидят дома. И еще то, что ее – Авелин Дангон – это обстоятельство совершенно точно не удержит дома.

С тех пор этот камень стал ее алтарем. Она несла к нему все свои раздумья и тревоги. И каждый раз он помогал ей развеять гнетущие сомнения и укрепить ее дух.

Вот и сегодня, когда Авелин в первый раз увидела белого монаха, вселившего в нее такое сильное смятение, она побежала к своему спасительному камню. Положив на его холодные

бока свои руки, она действительно почувствовала, как успокаивается ее сердце и выравнивается дыхание.

Стянув с себя чепчик, Авелин подставила ветру свои волосы. Прилетевшие с юга птицы щебетали, прыгая с ветки на ветку. Все вокруг дышало началом жизни, и ей дольше обычного хотелось провести время около камня.

Насладившись покоем, придерживая юбку, девушка направилась в сторону амфитеатра. Раздвинув руками ветки кустов, она уже готова была шагнуть на каменную площадку, когда увидела его, приора Ордена Святого Доминика – Жан Поля Батиста Лоба.

Правило мещанина

Мила сидела перед телевизором за чашкой утреннего кофе. Ощущение было такое, что по ней проехали катком. Новости по «Первому» рассказывали о небывалом для марта снежном урагане:

– Облачность опустилась так низко, что, по свидетельству очевидцев, закрыла собой купол Газпрома, расположенного на улице Наметкина, – рассказывала диктор.

На душе было тревожно.

Перед выходом Мила пытливо посмотрела на Нюсю – та лежала на диване с видом полного пренебрежения к происходящему.

– Веди себя прилично, – порекомендовала Мила кошке.

Нюся зевнула и, повернувшись на спину, раскинула лапы в разные стороны.

– Чтоб тебя! – ругнулась Мила, захлопнув входную дверь.

Работать не хотелось. Стол с каждым часом зарастал дурацкими подарочками по случаю надвигающегося праздника 8 Марта.

Поиски по инету начались с успокоительных средств, и как-то незаметно переключились на Авелин Дангон, но безрезультатно. А вот Клод Дангон действительно оказался известным ткачом. Только тот ли это был Дангон – неизвестно.

Начитавшись про старинные трабули и улочки Лиона, Мила приняла решение обязательно съездить туда.

После обеда бухгалтерия перестала доставать своими счетами, а секретарша – дурацкими вопросами. Офис возбужденно гудел, обсуждая планы на праздничные выходные.

Настроение улучшилось. Все было хорошо, пока не раздался Каткин звонок:

– Ты готова?

– К чему?

– К встрече!

– С кем?

– Мать, ну, ты чо? Хочешь, чтобы я тебя поколотила! С Ильей Андреевичем. Не со мной же!

– Кать, я бы с тобой предпочла.

Катерина выругалась.

– Значит, так. Я договорилась о вашем свидании в 19.00 в итальянском ресторане на Профсоюзной. Специально позаботилась, чтобы это было рядом с твоим домом. Сейчас руки в ноги и домой! Будем готовиться. Я раскрою тебе такие тайны обольщения, всю жизнь «спасибо» говорить мне будешь! – И бросила трубку.

В других обстоятельствах Мила даже с места не сдвинулась бы, но усталость после странной ночи и желание побыстрее вернуться домой сделали свое дело. Под предлогом – не разочаровать свою подругу, она разрешила себе пораньше уйти с работы.

Подобрать наряд Катка позволила Миле самостоятельно. Обещанное обольщение содержалось во флакончике, торжественно водруженном на кухонный стол.

– Вот, – указав на флакончик пальцем, произнесла сияющая подруга.

– Что это? – Мила нагнулась, чтобы лучше рассмотреть.

– Сейчас объясню. Это амбра из паховых желез кита.

– Фу! – Мила отпрянула назад.

– Без «фу», пожалуйста! Слушай сюда. Про связь половых центров с органами зрения и слуха я тебе уже рассказала. Существует еще один орган сексуальных чувств – обоняние.

– Я об этом слышала.

– Ничего ты об этом не слышала! Не перебивай. Их у человека два. Один существует для распознавания запахов, а второй исключительно для определения сексуальных приоритетов. Находится он на хрящике носа, а нерв от него отходит в тот же древний отдел мозга, о котором мы с тобой говорили. Его задача уловить половые феромоны, которые вырабатываются под мышками и в паховой области человека, и несут информацию об иммунитете, болезнях, возрасте и прочих особенностях организма. Из мозга обработанный сигнал подается в эндокринную систему, которая вырабатывает половые гормоны, и человек начинает испытывать или влечение, или отвращение, или получает сигнал – не придавать никакого значения. К примеру, известны случаи, когда люди, сделавшие пластическую операцию на нос, становились абсолютно фригидными.

– Ну, надо же, как все просто, – сказала Мила и замерла, вспомнив ночного гостя.

– Еще проще, чем ты думаешь, – продолжала Катька. – Женские феромоны универсальны, и их уже давно научились подделывать. Самая лучшая подделка стоит на твоём столе. А вот мужские феромоны индивидуальны, и их подделывать еще не научились.

– Опять мы на коне.

– Да. Здесь снова владычица ситуации – женщина. Добавляешь амбру в любимые духи, и с вдыхаемым ароматом мужик получает такое количество гормонов в кровь, что практически зомбируется. То есть рассудочная часть мозга отключается, – Катька торжествовала.

– А что делать, когда действие амбры закончиться?

– Ты уже взрослая девочка... сама придумаешь.

– Ну, он помнить-то меня хотя бы будет?

– Мил, ты тупая, да? Я для тебя наизнанку вывернулась, доставая эту амбру, а ты издеваешься!

– Ну, хорошо, хорошо, – Мила взяла со стола флакончик и стала его разглядывать на свет. – Кать, а кит твой был здоров? А то знаешь, вдруг у него болезнь была какая-нибудь рыбная, и станет твой Илья Андреевич импотентом.

– Нет, я больше так не могу, – давась от смеха, взвыла Катька. – Кит – это не рыба. Иди уже на свидание.

Мила отправилась в прихожую надевать пальто.

– Кать.

– Что еще?

– Амбру когда надо капать? Сейчас или лучше потом? А то приду в ресторан уже не одна. Хохоча и толкаясь полами, подружки дошли до лифта.

– Ну, с Богом! – сказала Катька уже на полном серьезе, когда лифт доехал до первого этажа. – Как вернешься – звони, я прибегу.

Маленький, уютный ресторанчик с кусачими ценами, Миле был знаком очень хорошо. Она, не заглядывая в меню, могла сделать заказ любого блюда, но из уважения к Илье Андреевичу старательно изображала внимательное изучение кожаной книги, принесенной официантом.

Илья Андреевич, большой и харизматичный человек, произвел на Милу благоприятное впечатление. Темные волосы с проседью, зеленовато-карие глаза, обаятельная улыбка. Заказ сделал правильный – и не дорогой, и не дешевый. В нем вообще все было правильно. Поначалу Милу это никак не напрягло.

– Людмила Николаевна, расскажите о себе, – подчеркнуто ласково попросил Илья Андреевич.

Мила почувствовала себя как на экзамене:

– А что про меня можно рассказать... все очень банально. Разведена. Взрослый сын. Работа – дом, дом – работа. Есть, правда, любимые увлечения, – Мила набрала воздуха в легкие, чтобы с удовольствием предаться повествованию о любимом хобби.

– Расскажите про работу, – улыбнулся Илья Андреевич.

Мила выдохнула: «Он что, издевается?»

В ресторане в это время былолюдно, и заказ задерживался на кухне. Надо было дотянуть время до аперитива.

– Про работу? Ну-у... Я отлучусь на секундочку и вернусь, – извинилась Мила.

Она схватила сумку и направилась к туалету в конце зала. В кабинке уборной извлекла из кармашка флакончик с амброй, капнула на запястье, как учила Катерина, сверху спрыснула духами, и еще амброй, для верности.

Войдя в зал, обнаружила скучающего сомелье. К счастью, Илья Андреевич сидел спиной к входу.

– «Кьянти Классик». Только быстро! – прошипела Мила в ухо сомелье, ухватив его за рукав пиджака.

– Будет сделано, – понимающе отреагировал знаток вин.

Мила, как ни в чем не бывало, прошла к своему столику.

– Прошу прощения за прерванный разговор, – и томно взглянула на собеседника.

Илья Андреевич галантно пододвинул стул.

– Мы, кажется, остановились на работе, – начала Мила, взмахнув руками с амброй, – для лучшего результата.

Ей очень захотелось рассказать о зануде главном бухгалтере, о бестолковой секретарше, но подсознательное ей подсказывало, что Илья Андреевич не предназначен для подобных разговоров.

– Я руководящий работник, на хорошем счету у более высокого руководства, имею соответствующее высшее образование, – Мила сама себе не верила, что рассказывает о себе подобным образом, но Илье Андреевичу это, как ни странно, нравилось.

– А сын у вас чем занимается? – поинтересовался жених.

Пока Мила вспоминала анкетные данные своего мальчика, принесли спасительную бутылку Кьянти.

– Я вино не буду, – отрезал Илья Андреевич.

– Я буду, – переключила на себя внимание официанта Мила.

– Хорошее вино? Я спиртное не потребляю вообще, – похвастался он.

– Сочувствую, – не поддержала она. – Моя подружка называет это вино «червивкой», а мне оно нравится.

Сделав три глотка и опустив бокал, Мила встретила с тревожным взглядом Ильи Андреевича.

– А расскажите о себе, – вдруг осенило ее.

Илья Андреевич как будто ждал этого. Многозначительно облокотившись на стол, он начал:

– Вам Екатерина Олеговна наверняка про меня уже в общих чертах рассказала. Для начала, я хотел бы изложить вам свои жизненные правила. Они достаточно ясны и просты, как это бывает у человека, который точно знает, чего он хочет от этой жизни. Мне хотелось бы создать семью, наладить свой быт, но я не терплю случайных людей. Жить надо среди «своих». Мне очень важно, что человек из себя представляет. Я не буду садиться за стол, с кем попало. В моей семье принято считать свой дом своей крепостью.

«Он же мещанин», – догадалась Мила, и с Ильей Андреевичем ей сразу стало все понятно.

Собеседник продолжал извергать из себя жизненные правила – правильной и квадратной формы, выкладывая их в ровные ряды и воздвигая из них между собой и Милой непреодолимую стену.

Вино расслабило, закружило голову и погрузило в легкую эйфорию. Милу потянуло философствовать:

«Мещанство – неприятное явление. Мещане всегда живут под правильными лозунгами, только люди почему-то с неприязнью отворачиваются от них.

Мещанам всегда кажется, что они лучшие представители человечества, в связи с чем у них есть право смотреть на людей свысока. На самом деле, они просто не умеют уважать индивидуальность человека. И по вселенскому закону: «мир – это зеркало твоей души», получают отраженную неприязнь окружающих. Так и живут эти бедолаги – презирая всех и презируемые всеми.

Один знакомый священник, к слову о мещанах, сказал: «Это люди, которым кажется, что они могут гордиться, что живут иначе, чем другие. Вот если бы они внимательно читали Житие Святых, в котором описано смирение и скромность людей, куда более высоко духовных, то они, – то есть мещане, – устыдились бы своей гордыни. Жалеть таких людей надо».

А как таких людей жалеть? Ведь произрастает всегда мещанство на благодатной почве материального достатка...»

Вино в бокале быстро кончилось. Мила нашла взглядом своего официанта, который, с видом вспотевшего зайца, перепрыгивал от одного стола к другому, и решила не усугублять его положения. Взяла бутылку Кьянти и налила себе вина.

– Может, я помогу? – дернулся Илья Андреевич.

– Не стоит. Я привыкла все делать сама, – грубо нарушив этикет, Мила тонко намекнула о своем отношении к происходящему.

Она почувствовала, что кто-то прижался к ее спине, и подвинулась ближе к столику, продолжая свои рассуждения:

«Еще одна отличительная черта мещан – они не живут сердцем. Нет, не то чтобы его у них его нет, просто вместо душевности они выбрали правила. Главные пункты правил у мещан касаются любви и счастья, но только к себе и четко ограниченному кругу лиц. А ведь любовь и счастье, на самом деле, это величина абсолютная. В большом сердце эти величины разместиться могут, а вот в правилах – никак. Однако мещанам это неведомо, и они активно работают над своим жизненным фасадом. Любовь для мещанина – это такой же обязательный атрибут, как белоснежная отглаженная тюль под шторы. Может быть, делается все это из лучших побуждений, только окружающих воротит от этой фальши. Показное счастье, одобренное елейностью, выйдет настолько неприятно, что люди придумали ему специальное название – пре-краснодушие...»

– И еще я не понимаю людей, которые держат в доме животных.

Сказанное Ильей Андреевичем дошло до сознания Милы.

– Надо же. Жаль. У меня дома живет кошка... и еще собака, – приврала она.

– От них грязь и запахи, – неуверенно напомнил он.

– Радость и удовольствие, – парировала она.

Илья Андреевич перевел разговор на другую тему, а Мила вернулась к своим размышлениям:

«А как понять определение: любовь и счастье – величина абсолютная?»

Если мать уверяет себя, что любит свое дитя, и при этом пренебрежительно относится к другим детям, то она не любит и своего ребенка. Она будет испытывать в отношении своего чада чувство ревности, гордости, тревоги и еще много других сильных эмоций, но они не будут составляющими любви.

Если сын говорит, что любит своих родителей, и при этом неуважительно относится к пожилым людям, то он не любит и своих родителей. Он будет преклоняться перед достижениями отца, испытывать чувство благодарности за помощь матери, выполнять требования

и традиции своей семьи, но испытывать к родителям нежность он не будет никогда, а в тяжелых жизненных ситуациях сможет даже предать их.

Человек не может быть счастлив только в определенном месте, с определенным человеком, и при этом испытывать неприязнь к окружающему миру. Если с ним такое происходит, то, скорее всего, он жертва болезненного самовнушения или идолопоклонничества по отношению к своему объекту обожания. Счастливый человек счастлив во всем.

Когда между мужчиной и женщиной рождается любовь, они не могут не любить весь мир, и все, что их окружает. Человек, наполненный этим чувством, наполнен желанием созидать. Но там, где есть только жадное желание быть боготворимым, рождается эгоистичное отторжение всего, за исключением обожателя. И тогда возникает замкнутое друг на друге самолюбование – антипод любви.

Мы не можем иметь такое же сердце, как у Христа, ведь мы не такие, как он, но мы всю жизнь должны стремиться приблизиться к нему. Ну, хотя бы понимать, что надо впускать людей в свое сердце, зная, что будет больно, обидно, тяжело. Будет много разочарований, но гораздо больше будет радости общения и сотрудничества, и ради этого надо уметь прощать. Там, где нет душевной щедрости, все достоинства человека превращаются в мещанство. И через все правила мещанина проходит красной нитью только одна аксиома: служить верой и правдой своему быту и не выходить за пределы своей повседневности...»

– Как твое имя, королева? – кто-то с жаром пыхнул Миле в ухо.

Она обернулась. Вполоборота на стуле, за спиной Милы, сидел тощий мужичок с пьяной улыбкой на лице.

– Как вам не стыдно, мужчина? Я здесь не одна! – не без удовольствия подчеркнула она и придвинулась ближе к своему столику.

– Не отталкивай. Я искал тебя всю жизнь, – не унимался Тощий.

– Это кто? Ваш знакомый? – забеспокоился Илья Андреевич.

– Нет. Не обращайтесь внимания, – гордо поправив волосы, приосанилась Мила.

– Что же ты со мной делаешь? – запричитал Тощий.

Илья Андреевич начал бычиться, вероятно, в нем просыпалось военное прошлое:

– Так вы знаете этого человека или нет? Почему он к вам пристает?

– Знаю... то есть, нет... то есть, он только сегодня пристает... – Мила пыталась спасти Тощего, чувствуя свою вину перед ним.

Илья Андреевич и Тощий были в разных весовых категориях, и первый мог легко переломить второго двумя пальцами.

– Как это «только сегодня пристает»? – удивился Илья Андреевич.

В этот момент Тощий изловчился и впился губами в ухо Милы.

– Что вы себе позволяете, мужчина! – закричала Мила и чуть не свалилась со стула.

Илья Андреевич рванул с места и, нависнув над Тощим, схватил его за руку. Но тот оказался цепким малым и, ухватившись за спинку стула Милы, не отпускал его.

– Отпустите мой стул! – требовала Мила, пытаясь отогнуть пальцы Тощего от спинки.

– Я люблю тебя, – стонал Тощий.

Илья Андреевич перехватил Тощего за ноги и тянул его, как репку. Мила тоже перешла к решительным действиям и встала со стула. Стул выскочил из-под нее и, увлекаемый борющимися мужчинами, прямо по траектории сбил с ног официанта с заказом на подносе, как назло подошедшего к столику именно в этот момент.

Илья Андреевич и Тощий, круша на своем пути столы и стулья, повалились на пол. Официант, придавленный стулом, упал рядом и не подавал признаков жизни.

– Убили! – истошно закричал кто-то в зале.

Но, к счастью, официант зашевелился и, извиняясь, как заводной, начал собирать осколки тарелок и поднимать стулья.

Вечер был испорчен и, похоже, всем.

Когда притихшего Тощего забрал подоспевший наряд полиции, а Илья Андреевич расплатился с администратором за учиненный разгром, Мила, допивая остатки вина, уже не очень хорошо ориентировалась в происходящем. Спустившись в гардероб ресторана, она сначала долго искала номерок, потом долго пыталась попасть в рукава пальто и, наконец, одевшись, вышла на улицу.

– Я деньги вам отдам прямо сейчас, – и полезла в сумку. – Я не стала это делать при всех, чтобы никого не обидеть... – Мила пыталась говорить с Ильей Андреевичем не заплетающимся языком.

– Не надо, я не возьму. Вас до дома подвезти?

– Пешком будет быстрее. Провожать не надо.

– Тогда всего доброго, – он повернулся спиной и пошел к машине.

«Хороший мужик, – с грустью подумала Мила. – Подумаешь, мещанин. Может, у него совсем неглубокие мировоззренческие ошибки? Подкорректировала бы чуток, и жила бы счастливо. А может, и не надо. Найдет себе такую же надменную гусыню, как и он сам, и объединится с ней в совместном презрении к человечеству».

На сердце было тяжело. Захотелось заглянуть Илье Андреевичу в глаза, обнаружить там много хорошего и достойного, рассказать ему какой он интересный человек, но было уже поздно.

Старый знакомый

День у Иннокентия Петровича не задался. С самого утра, когда он в своем кабинете сделал первый глоток кофе из кружки, раздался звонок дежурного:

– Иннокентий Петрович, звонил комендант общежития, в вашей комнате воет собака, нигде не могут найти второй ключ от замка. Спрашивают: что им делать?

– Пусть ждут. Освобожусь, приеду.

Чертыхаясь, Петрович схватил со стола срочные бумаги и отправился наверх к руководству, надеясь в скором времени завершить все формальности и съездить в общагу. Но не тут-то было. Около кабинета руководителя толпились люди в погонах. Секретарь по телефону срочно вызвала на оперативное совещание сотрудников. Увидев Петровича, она оторвалась от трубки и громко, сквозь толпу, затараторила:

– Иннокентий Петрович, вас Вяземский уже спрашивал, проходите быстрее.

Генерал-майор Вяземский Глеб Станиславович – полицейский нового поколения. Розовый и гладкий, с сытой внешностью, был больше похож на барина, чем на человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы милицейской службы. Завидев Петровича, он резко встал со своего «трона» и двинулся навстречу, а это означало, что случилось что-то серьезное.

– Приветствую, – Вяземский пожал руку и, подхватив Петровича под локоть, повел его к столу совещаний. – Присаживайтесь. Иннокентий Петрович, у нас ЧП международного масштаба. На нашей территории убит мужчина, но это полбеды, вся фишка в том, что он иностранец, кажется испанец, к тому же – религиозный деятель, приглашенный в Россию по линии патриархии. Дело будет громким, с прессой и иностранными представителями.

Петрович заерзал по стулу. Интуиция подсказывала, что он на пороге большого шанса. Вяземский продолжал:

– Вся оперативная и бумажная работа должна быть проделана идеально. Только у вас получают документы «без сучка и задоринки». Дело будут контролировать на самом верху. Оперативный штаб я возглавляю лично, а вам, как полагается по должности, поручается руководство оперативной группой. В вашем распоряжении все наши ресурсы, включая мои.

– Все будет сделано как надо, Глеб Станиславович, обещаю.

– Спасибо. Выбирайте себе помощников. Опергруппа на место уже выехала. Дело, понятно, будет передано в Следственный комитет. Докладывайте мне лично: каждый шаг, каждое действие, каждое событие.

– Разрешите приступить к выполнению?

– Разрешаю.

По дороге он позвонил Семенову – молоденькому сержанту, соображучему доброму малому «из своих». Корифея брать в помощники по делу не хотелось. Принцип «одна голова – хорошо, а две – лучше», на начальном этапе оперативно-розыскной работы не всегда помогает. Действия по горячим следам требуют молниеносных решений на уровне интуиции, тем более на месте уже работали его ребята, с ними он и посоветуется в случае чего.

– Семенов, ты понимаешь, куда нам ехать? – спросил Петрович уже на трассе.

– Понимаю. Пока едем в правильном направлении.

Ведомый указаниями своего помощника, Петрович свернул на знакомую улицу.

– Кажется, я здесь был вчера, – удивленно заметил он.

Знакомые ворота со знакомой скамейкой около входа были окружены машинами. Люди в форме и штатском сновали между ними. Журналисты около микроавтобуса со спутниковой антенной кого-то интервьюировали.

Держа корочку в вытянутой руке, Петрович быстро прошел за ворота. Перед особняком, судя по форменной одежде, толпилась многочисленная прислуга. Знакомого старика среди них не было.

Внутреннее роскошество особняка остановило его на пороге. Немного привыкнув к блеску мрамора и узорам из красного дерева, он шагнул по зеркальному полу в сторону распахнутых дверей зала.

Огромный зал с высоченными потолками и арочными окнами во всю высоту стен был наполнен солнечными зайчиками, пробивающимися сквозь ветви дикого сада. Многочисленные зеркала отражали всю эту феерию света, вызывая ощущение нахождения в параллельном мире.

– Иннокентий Петрович, труп здесь.

Прикрывая рукой глаза от солнца, Петрович двинулся на голос.

В углу зала в луже крови лежал труп молодого черноволосого мужчины в дорогом шерстяном костюме. В правой руке жертвы были зажаты деревянные четки с крестиком. Больше ничего в его облике не говорило о его религиозной принадлежности.

Петрович присел на корточки и стал разглядывать рану, которая начиналась от виска и заканчивалась над ухом.

– Семенов, перчатки! – Через несколько секунд Петрович почувствовал в своей руке холодную шелковистость резиновых перчаток.

Он аккуратно раздвинул слипшиеся от крови кудри. Рана была короткая, глубокая и с ровными краями. Все говорило о том, что нанесена она была колющим предметом. Скорее всего – маленьким топориком для работы в саду или кухонным топором для разделки мяса.

– Орудие убийства найдено?

– Еще нет. Но у нас уже есть подозреваемый. Верней, подозреваемая.

Только сейчас Петрович заметил незнакомого человека в мятом сером костюме, он-то и ответил на его вопрос.

– Николай Николаевич Сомов, помощник прокурора, – протянув руку, пояснил человек в мятом костюме. Он на самом деле был очень похож на свою фамилию: большие растянутые губы, маленькие, широко посаженные глаза и тоненькие усики над верхней губой.

– Ландрин Иннокентий Петрович, зам руководителя по оперативной работе.

– Так кто же подозреваемая?

– Хозяйка дома, Елизавета Федоровна Бжозовская. Ее задержали ваши оперативники, когда она пыталась скрыться через заднюю калитку сада, после признательных показаний одной из девушек-служанок, ставшей случайным свидетелем убийства. Бжозовскую сейчас допрашивает следователь ФСБ.

– Следователь ФСБ? Она что, незаконно пересекла границу или является агентом иностранной контрразведки?

– Про нее ничего не могу сказать, а вот Габриэль Каре, – так звали покойного, – был в разработке ФСБ. Это все, что я знаю.

В зал вошел молодой подтянутый парень на вид лет тридцати пяти, не больше, с тонкими чертами лица и большими умными глазами.

– Саламатин Алексей Витальевич, старший следователь ФСБ... – Его рукопожатие, несмотря на тонкое запястье, оказалось сильным, как у натренированного спортсмена. – А вы – Ландрин Иннокентий Петрович? Меня предупредили о вашем приезде. Вам уже рассказали в двух словах, что здесь произошло?

– Только в двух словах.

– Вы мне нужны для разговора.

Петрович последовал за Саламатиним. Они вышли из зала и, обогнув роскошную мраморную лестницу, остановились около неприметной двери. Саламатин повернул ручку, и они

оказались в служебных помещениях. Судя по запаху, где-то здесь находилась кухня. Многочисленные двери, расположенные вдоль коридора, были распахнуты. Это были комнаты для прислуги, кладовые и постирочные.

Около одной из дверей Саламатин замедлил шаг. Петрович увидел девушку, лежащую на кровати, и склонившегося над ней врача скорой помощи.

– Это горничная, которая дала признательные показания против своей хозяйки. После своего заявления она упала в обморок, и сейчас ей оказывают необходимую помощь, – полусшепотом пояснил Саламатин.

Около следующей комнаты стоял человек в штатском, оттуда доносился женский стон. Когда Петрович заглянул в дверной проем, он увидел еще одного в штатском и двух врачей скорой помощи, пытавшихся ввести иглу в вену стонущей женщины. Ее лицо Петрович не разглядел.

– А это, как вы понимаете, хозяйка особняка, у нее истерика. Пойдемте дальше, – прокомментировал Саламатин.

Дойдя до конца коридора, они вошли в помещение, которое, судя по обстановке, было кабинетом управляющего.

– Присаживайтесь, пожалуйста, на диван, – на правах хозяина предложил Саламатин.

Судя по бумагам на столе, в этом кабинете уже проводились какие-то следственные действия.

– Я вел допрос в рамках другого уголовного дела, – пояснил Саламатин. – Бумаги будут надлежащим образом оформлены и переданы следователю, которого назначат на это дело. Но всю оперативно-розыскную работу и указания следователя все равно выполнять вам и вашим ребятам.

Петрович утвердительно кивнул головой.

– Я кратко пояснил помощнику прокурора свой интерес к этому делу, а вам расскажу подробно, – продолжал Саламатин. – Итак, Габриэль Каре – гражданин Аргентины, член Ордена Иезуитов мужского монашеского ордена Римско-католической церкви, был в оперативной разработке ФСБ, так как подозревался в сотрудничестве с испанскими террористическими организациями. По данным Интерпола он имел тесный контакт с лидерами этих организаций. По просьбе наших зарубежных коллег мы должны были проследить за его передвижениями по стране и зафиксировать все его контакты. Шестого марта в 16.00 он вышел из гостиницы Балчуг Кемпински, сел в арендованный им автомобиль марки «Порше», на котором проследовал до Свято-Данилова монастыря. В 16.30 он вошел в ворота монастыря и больше не покидал его пределы. Сегодня, ранним утром, к нам поступили оперативные данные, что интересующий нас человек убит и находится по этому адресу.

– Телепортация? – пошутил Петрович.

– Скорее, подземные ходы. Но это наши предположения.

– У него были сообщники среди служителей Свято-Данилова монастыря? И почему он в светском костюме, если он монах?

– Одет он так потому, что этот Орден разрешает многим своим членам вести светский образ жизни. И вряд ли у него были сообщники в монастыре. Габриэль Каре был приглашен в Россию в рамках обычного межконфессионального сотрудничества, сейчас это очень практикуется в мире. Вероятнее всего, он располагал такими сведениями о подземной части монастыря, о которых даже не подозревают сами его служители... или знают, но только очень ограниченный круг людей.

– Как такое возможно, чтобы католический монах, и к тому же аргентинец, знал подземную часть православного монастыря лучше, чем его служители?

– Возможно. Я бы не стал этого утверждать, если бы лично уже не столкнулся с таким парадоксом. Дело все в том, что у этого Ордена очень тесные исторические связи с нашей

страной. Связи, которые своими корнями уходят в историю. Вы слышали что-либо об этом Ордене раньше?

– Кроме названия, пожалуй, ничего.

– Тогда позвольте, я возьму на себя роль вашего проводника по истории. Не обижайтесь, но мне кажется, знания об истории Ордена вам будут необходимы в этом деле.

– Я не обижаюсь. Напротив, весь во внимании, – Петровичу нравилась манерность ФСБ-эшника, она ему шла, вернее, была его частью, а не наигранной жеманностью, как это часто бывает у людей, желающих казаться более воспитанными, чем это есть на самом деле.

– Официальное название Ордена – «Общество Иисуса»; был основан Игнатием Лойолой в 1534 году и утвержден Папой Павлом III в 1540 году. В последующем этот Орден сыграет большую роль в контрреформации и поможет Римско-католической церкви удержать свою власть и значительную часть церковного имущества. Но это произойдет в последующем. Что заставило Папу Римского утвердить этот орден в 1540-ом году? На этот счет существует множество версий.

– И какой версии придерживаетесь вы?

– Некоторые исследователи истории этого ордена в нашей стране склоняются к версии поднесения некоего дара Папе Римскому. Оригинальность этой версии заключается в том, что, хотя Игнатий Лойола и был выходцем из знатного обедневшего рода, но совершенно не понятно, где он мог раздобыть подношение, которое подкупило одного из самых богатых людей мира. Ведь причина возникновения Ордена родилась из достаточно обыденного обстоятельства: четыре сотоварища (включая Лойолу), поступивших в Риме на службу церкви, когда поняли, что их могут разослать по всему свету, приняли решение основать новый монашеский орден, чтобы сохранить свою группу. Для этого они написали проект устава, который и представили Папе.

– Да, выглядит, как плохая «отмазка» от армии. И где же они могли взять такое богатое подношение?

– Дело все в том, что сами основатели и последующая деятельность Ордена была самым тесным образом связана с образованием и наукой. Многие видные математики, физики, биологи и химики были его членами.

– Эти четверо были алхимиками? – догадался Петрович.

– Тогда алхимиками были многие монахи, но именно эти, как вы выразились, «четверо» были талантливыми и блестяще образованными для своего времени молодыми людьми. Что и сблизило их между собой, – и с талантливыми учеными того времени в том числе.

– Почему речь идет именно о даре? Ведь свой талант они могли применить по-разному.

– У большинства власть имущих на втором месте, – после власти и славы, – всегда стоят деньги, но это не самый главный аргумент. Средние века и последующий период возрождения – это время символов и загадок. У современных искусствоведов имеются в арсенале многотомные талмуды по расшифровке тех или иных символов, изображенных на произведениях искусств того периода. Самой объемной по количеству содержащейся в ней информации, конечно же, является живопись. На своих полотнах живописцы по своей инициативе или по просьбе заказчиков зашифровывали целые послания потомкам.

– И, надо полагать, имеется картина, проливающая свет на историю создания Ордена.

– Совершенно верно. Вернее, несколько картин с изображением генералов или «черных пап», – так называют пожизненно избираемых глав Ордена, – символика на которых говорит о том, что не последнюю роль в утверждении Ордена сыграл некий богатый дар. Скорее всего, это были бриллианты.

– Бриллианты?

– Никто не может утверждать это наверняка, но, похоже, что так. Так же, никто не может сказать, как эти бриллианты попали к основателям Ордена.

Петровичу все больше и больше нравился Саламатин. Ему было удивительно легко рядом с этим эрудитом, как это всегда бывает при общении с по-настоящему умным человеком.

– А что же так тесно связывает этот Орден с Россией? – прервал Петрович повисшую паузу.

– Здесь замешена политика. В 1773 году Папа Климент XIV упразднил Орден по настоянию католических монархов Франции, Испании и Португалии, так как Иезуиты стали играть слишком заметную роль в европейской политике. Последнего генерала Ордена посадили в тюрьму, в которой он скончался через два года. В это время, после первого раздела Речи Посполитой, между Пруссией и Россией под покровительством Екатерины II оказались около 200 иезуитов в четырех колледжах и двух резиденциях польских и литовских областей. Усилия Папы Римского уничтожить иезуитов на территории России были тщетны, Екатерина II повелела считать буллу Папы несуществующей. Все дело в том, что западная церковь принимала неоднократные попытки повлиять на российскую императрицу, памятуя о ее лютеранском прошлом, но Екатерина II была истиной Православной Императрицей, и неоднократно и жестко напоминала об этом европейским правящим домам. Так Орден оказался под ее защитой, и иезуиты благополучно продолжили служение в своих колледжах и церквях. Демонстрируя свою независимость католической Европе, император Павел I в 1800 году передал Ордену церковь святой Екатерины в Санкт-Петербурге и даже позволил устроить колледж при ней. Тогда членами ордена стали влиятельные вельможи, включая князя Ивана Голицына и многих видных деятелей того времени. По личной письменной просьбе императора Павла, 7 марта 1801 года Папа Пий VII издал документ, в котором официально признал Орден Иезуитов на территории России – это стало началом возрождения ордена. В 1814 году орден был полностью восстановлен во всем мире, и первым генералом возрожденного Ордена стал российский иезуит Фаддей Бжозовский.

– Вот как. Родственник нашей подозреваемой?

– Не прямой. У Фаддея Бжозовского была двоюродная сестра – Анна Сигизмундовна Бжозовская. Она и является прямой родственницей Елизаветы Федоровны, хозяйки усадьбы.

– Значит, Орден многим обязан России – и своим сохранением, и своим возрождением. А что было потом с Орденom и предками Бжозовских?

– Бжозовские, по происхождению поляки, жили в Кенигсберге. Когда Екатерина II отказалась печатать буллу Папы Римского о роспуске Ордена Иезуитов, Фаддей Бжозовский переехал в Полоцк и вновь стал членом Ордена, который ему пришлось покинуть после его роспуска. Он вел активную образовательную работу в области теологии, перевел большое количество богословской литературы, так как помимо родного польского языка свободно владел русским, немецким, французским и латынью. Благодаря протекции Бжозовского, на территории России действовало семь колледжей, одному из которых Александр I даровал права университета, преобразовав его в академию. Сам Бжозовский был обласкан властями, когда он стал генералом Ордена в 1805 году после гибели своего предшественника. Он проживал в своей резиденции в Санкт-Петербурге, был состоятельным человеком, его родственница Анна Сигизмундовна получила дворянский титул. Так было до декабря 1815 года, пока Александр I не издал указ о высылке членов Ордена из Санкт-Петербурга, по которому Бжозовскому было запрещено покидать пределы России. Скончался Фаддей Бжозовский в 1820 году в Полоцке. Имущество Ордена было конфисковано, а сам Орден Иезуитов был запрещен вплоть до 1917 года.

– Что послужило поводом для такой немилости?

– Жалобы православных священников на увеличение католических верующих в России, а самое главное – после его признания Папой Римским, Орден перестал быть символом независимости для Российского государства.

– А сестра?

– Анна Сигизмундовна приняла православие и самым решительным образом отказалась от учения Ордена и от брата, что было обязательным условием сохранения своего титула и имущества. Она продолжила свое безбедное существование в Санкт-Петербурге.

– Судя по тому, что происходит в наше время, связь с Орденом это семейство не потеряло.

– Похоже на то. Но что связывает Елизавету Федоровну с Орденом, пока выяснить не удалось. У нее истерика, и все, что она может сказать, так это о своем благоговейном и уважительном отношении к супругу.

– Он тоже здесь?

– Да. Сейчас он, скорее всего, у себя в кабинете на втором этаже. Он спал, когда услышал крики жены. Спустившись вниз, обнаружил труп и приказал вызвать полицию.

– Несмотря на то, что у нас есть подозреваемая, дело будет сложным – у этого убийства непростой мотив, – медленно произнес Петрович, глядя в окно.

– Вот именно – мотив. И – не найденное орудие убийства, – Саламатин продолжил другим тоном: – Иннокентий Петрович, это еще не все. Габриэль Каре был в оперативной разработке подразделения, возглавляемого моим близким товарищем. Это же подразделение в 2008 году следило за передвижением по стране еще двух монахов иезуитов: Виктора Бетанкура и Отто Мессмера. Последний был настоятелем российского Общества Иезуитов, выходцем из католической немецкой семьи, уроженцев Караганды. В конце октября 2008 года Виктор Бетанкур и Отто Мессмер так же посетили один из подмосковных монастырей и, незаметно для наших служб, покинули его. Их тела были обнаружены на квартире по улице Петровка в Москве.

– Преступление было раскрыто?

– По официальной версии убийство было совершено на бытовой почве, гомосексуалистом. Его взяли на следующий день в баре.

– Вы в эту версию не верите.

– Я не верю в мотив. Нас интересовал Виктор Бетанкур, родом из Эквадора, – он учился в московском институте теологии, до этого учился в Риме, тоже был на подозрении у тамошних служб безопасности. Бетанкур и Мессмер тщательно спланировали свои действия, предприняли все необходимые меры предосторожности. Для чего? Для встречи с российским гомосексуалистом?

– Да, не клеится. А что российский гомосексуалист?

– Дал признательные показания. Конечно, в этом деле возможна случайность, но если говорить о спланированном преступлении, то задумано оно было идеально. Зная о нетерпимом отношении к людям нетрадиционной ориентации в России, можно было рассчитывать на брезгливую и поверхностную реакцию на это дело. Так оно и случилось. К счастью для нас, журналисты не пронюхали, что в случившемся был интерес служб безопасности. Про исчезновение в монастыре тоже известно только очень ограниченному кругу лиц.

– Так как им удалось исчезнуть из вашего поля зрения?

– Мы знали о том, что они должны были уехать в другой город на машине, в связи с чем наблюдение с принадлежащей Ордену квартиры, расположенной на Петровке, было снято, а установлено – за их автомобилем. Вместо этого они доехали до монастыря, а дальше вы знаете... Мы общались со служителями монастыря, они оказывали нам всяческую помощь в поиске тайного хода из него. Только через неделю тщательных поисков мы наконец-то нашли подземный лаз под его стенами. Все дело в том, что в эпоху воинственного атеизма горели не только иконы, но так же архивы с чертежами и описаниями строений. Репрессии. Расстрелы. В общем, информация была утеряна. Теперь этот лаз нанесен на план монастыря, за ним тщательно ухаживают и демонстрируют посетителям. Когда Орден Иезуитов находился под защитой российских императоров, его члены не забывали, сколь могущественны их враги, и тщательно собирали информацию, которая могла бы спасти им жизнь в случае преследования

и покушения, в том числе – информацию о тайных ходах российских монастырей, и наверняка не только монастырей.

– Которую, спустя столетия, им удалось сохранить. Отсюда вы сделали вывод, что история в Свято-Даниловом монастыре повторилась.

– Они не должны были возвращаться на квартиру. Что-то нарушило их планы. Но что? – Саламатин резко встал со стула и, стремительно шагнув к дивану, сел напротив Петровича. – Они были убиты тем же способом, что и Габриэль Каре – маленьким топориком. Орудие убийства найдено не было.

Повисла пауза. Саламатин, пристально глядя в глаза Петровичу, продолжил:

– Я здесь не только по долгу службы, но и по долгу дружбы. То, что произошло в работе моего друга, можно назвать одним словом – провал. Он настоящий профессионал.

Было бы высшей несправедливостью перечеркнуть его репутацию из-за этого дела. Никто на его месте не смог бы предугадать случившееся. Я должен помочь ему. Для этого нужно понять, что происходит, докопаться до истины. Мне нужно распутать это чертовое дело.

– Мне тоже нужно распутать это чертовое дело...

Они сидели напротив друг друга, глядя в глаза и улавливая суть сидящего напротив, как это умеют делать только мужчины-воины или мужчины-охотники, имеющие многовековую генетическую память о том, с кем можно идти плечом к плечу в бой, кто наверняка не струсит, прикрыв тебя от кинжала врага или когтей свирепого зверя.

Дальше слов было не надо. Они встали и направились к выходу.

В дверях Саламатин остановился:

– Вам необходимо будет произвести задержание Бжозовской и сопроводить ее до места временного содержания. Я попросил приехать сюда своего хорошего знакомого, он отличный психотерапевт, работает в институте имени Сербского, поможет привести Бжозовскую в чувства. Там, за дверями, наверняка уже полчище журналистов, им не надо видеть ее состояние, иначе потом потратите кучу времени на объяснения с общественностью.

– Спасибо. Действительно, не хотелось бы терять время из-за нервных срывов подозреваемых и свидетелей, – согласился Петрович.

– Чем вы сейчас собираетесь заняться?

– Опросить по делу мужа хозяйки особняка.

– Да, конечно. Здесь, справа от двери, есть черная лестница на второй этаж. Как выйдете из служебных помещений, первая дверь по коридору – это кабинет хозяина. Увидимся.

Узкая железная лестница привела Петровича в коридор второго этажа. Пройдя служебные помещения, он оказался в просторном холле, устланном мягкими коврами. Дверь кабинета хозяина особняка была приоткрыта, и из нее доносился звук работающего телевизора.

Петровичу показалось странным такое времяпрепровождение на фоне всех событий. Мягко ступая по ковру, он подошел к приоткрытой двери и заглянул внутрь.

В большом кресле с высокой спинкой сидел седовласый мужчина в красном шелковом халате, надетом поверх черных брюк и белой рубашки. Облокотив голову на руку с зажатым пультом, мужчина улыбался происходящему на экране телевизора. Это еще больше покорило Петровича.

– Извините! – предупредительно окликнул его Петрович.

Мужчина быстро выключил телевизор, нажав на кнопку пульта, и встал навстречу Петровичу.

– Ландрин Иннокентий Петрович, майор полиции, – начал Петрович и осекся, вглядываясь в знакомые черты лица. – Я вас знаю?

– Мы не знакомы, но встречались у ворот этого дома.

Перед ним стоял импозантный пожилой мужчина, из распахнутого белого ворота его рубашки виднелся легкий узел красного шелкового платка, в тон шелкового халата с золотыми

кистями на поясе. Но дело было даже не в дорогой и элегантной одежде, а в самой природе, которая сейчас наполняла этого человека. Она была иная, не такая, как вчера. Обычно так сильно изменить себя под силу человеку, поменявшему свой образ жизни, привычки, окружение и даже страну, и то – лет через пять, не меньше.

– Вы сильно изменились с вчерашнего дня, – отметил Петрович.

– Одет иначе?

– Это не главное. Вы стали другим человеком.

– А я в вас не ошибся.

– В чем именно?

– В вашем восприятии мира. Вы относитесь к категории людей, которые видят то, что многим не дано разглядеть никогда. Позвольте, я наконец-то представляюсь. Боголюбов Эдуард Константинович, – улыбаясь, протянул он руку.

Петрович ответил на рукопожатие.

– Вы разве не Бжозовский?

– Нет, что вы, к знаменитому роду принадлежит только моя Лизонька. А я так... Скромный коллекционер антиквариата. А впрочем, давайте все по порядку, – Боголюбов жестом пригласил к большому письменному столу, украшенному по бокам медными вензелями.

Расположившись в мягких кожаных креслах вокруг стола, мужчины продолжили:

– Быть может, я напрасно взял инициативу в свои руки? – почтительно осведомился Боголюбов. – У вас, должно быть, есть ко мне специальные вопросы?

– Вы не напрасно взяли на себя инициативу. Я действительно хотел бы узнать все о вашей жене, о ее связях с Орденом Иезуитов, и обо всем, что может пролить свет на это убийство. А специальные вопросы я задам потом.

– Вероятно, в курс дела вас посвятил Саламатин? Блестящий молодой человек. Когда такие эрудиты работают на государство, можно с уверенностью сказать, что у этой страны будет великое будущее.

Боголюбов помолчал, и со вздохом начал свой рассказ:

– Я потомок первой волны эмигрантов, родился в Париже. Мои предки, будучи людьми неродовитыми, но зажиточными, благополучно бежали от революционного террора из Одессы, – сначала в Стамбул, а затем в Париж. Дед – искусствовед и антиквар, его супруга – преподаватель по живописи. В эмиграции мои предки сблизилась со многими представителями знатных фамилий, которым требовались познания моего деда при продаже тех ценностей, которые они привезли с собой из России. Он охотно консультировал бывшую российскую элиту, избавляя их от возможных ухищрений местных антикваров. Не за бесплатно, конечно. Так он очень быстро сколотил приличный капитал, и имел возможность на достойном уровне общаться с бывшими князьями, графами и баронами, в том числе – и с семейством Бжозовских. Мой отец и я пошли по стопам деда. Я получил хорошее образование, стал крупным специалистом в области истории искусства. К тому времени у нас уже был собственный антикварный магазин, один из лучших в Париже. Многие клиенты отца стали друзьями семьи. Жизнь на чужбине сплочает людей одной национальности. Бжозовские были к нам ближе всех. Они оказались удачливее прочих в плане сбережения своих фамильных драгоценностей, которые еще до революции разместили в хранилищах европейских банков, что позволило им безбедно существовать в эмиграции. После смерти отца я занял его место, и еще больше сблизился с главой семейства Бжозовских. Однажды отец Лизоньки пригласил меня на серьезный разговор в свою загородную резиденцию под Парижем. Я решил, что, как обычно, мне будет предложено провести оценку очередного ювелирного изделия, и взял необходимый для этого инструментарий. Но речь пошла о самой главной драгоценности Бжозовского – о его дочери. Ее отец заметил, что Лизонька не сводит с меня глаз, и что, невзирая на разницу в двадцать лет, он будет рад, если его дочь составит блестящую партию со мной. Однако я был обескуражен.

Разница в возрасте меня смущала, и я взял время на раздумье. Но отец Лизы был настойчив, он приехал ко мне в тот же вечер на парижскую квартиру, и мы проговорили с ним всю ночь. Ближе к утру, выслушав все его доводы, я дал свое согласие на брак с Елизаветой Федоровной Бжозовской, – Боголюбов замолчал.

– А что было дальше? – прервал молчание Петрович.

– А дальше, – очнувшись, продолжил Боголюбов, – дальше были безоблачные и счастливые дни совместного брака. Бог не дал нам детей, но наша гармония от этого не нарушилась. Лиза очень хотела вернуться в Россию. Ее воспитывали как русскую барышню, и она грезилась этой страной. Открылись границы, и я реализовал ее мечту. Так мы оказались здесь.

– А как же дело в Париже?

– Франция – цивилизованная страна. Там можно оставить свои дела на профессиональных управляющих без опасения, что ты потеряешь абсолютно все. К тому же, не реже, чем раз в полгода, я приезжаю в Париж и контролирую бизнес.

– А ваша супруга?

– Вы не поверите, но она затворница. Она прекрасно поет, музицирует, но при этом не стремится к какой-либо деятельности вне дома. Сказывается русская генетика, вероятно. Привычка к домострою.

– Если честно, не верю. Как может не тянуть в страну, в которой ты родился и вырос?

– Я сейчас все объясню. Папенька Лизы был крайне старомодным человеком. Он дал дочери домашнее образование, строго следил за кругом ее общения, который был весьма мал, и состоял только из немногочисленных родственников. Лиза практически не выходила за забор загородной резиденции. Бывали редкие выезды в театры, и то – чаще на гастрольные спектакли русских трупп.

– Ей что-то угрожало?

– Мне ничего не было известно об этом, но теперь я думаю – возможно.

– То есть, вы хотите сказать, что ни Елизавета Федоровна, ни ее отец ничего не говорили вам о существующих у них проблемах угрозы со стороны кого-либо?

– Ничего.

– Они не говорили вам о своих связях с Орденом Иезуитов?

– О связях не говорили, а об истории происхождения рода глава семейства рассказывал. Но здесь я вас разочарую. Во время экскурсов в историю семейства, подчеркивалось, что произошедший разрыв с католическим прошлым стал отправной точкой, сформировавшей уклад семьи. И возвращение на историческую родину Лизоньки было наиважнейшей целью.

– С чем, по вашему мнению, связано такое щепетильное отношение к религиозным вопросам?

– Православная религия стала гарантом существования этой семьи, отношение к ней почти мистическое. Вам стало бы все более понятно, если бы вы хоть немного пообщались с членами этой семьи.

– Мне это еще предстоит, – ответил Петрович.

Повисла пауза. Петрович понимал, что Боголюбов многое не договаривает. К вопросам, которые он задавал, хозяин особняка был готов. Надо было найти вопрос, который выбил бы его из колеи, заставил бы нервничать, и тогда разговор пошел бы в нужном направлении, но зацепок пока не было.

– Иннокентий Петрович, мне нужна ваша помощь, – Боголюбов, облокотившись на письменный стол, заискивающе посмотрел в глаза Петровичу, превратившись из светского льва в бедного родственника. – Лизонька... ведь ее посадят?

– Задержат, так как она пыталась скрыться.

– Облегчите ее участь, – Боголюбов выдвинул ящик стола и достал увесистую пачку пяти-тысячных купюр. – Помогите ей, ведь она в свои сорок лет еще, в сущности, ребенок...

– На это дело будет назначен следователь, – начал Петрович, – все будет зависеть от него, я только...

– Знаю, знаю. Я не прошу ничего сверхъестественного, только улучшить ее содержание. Ведь это зависит от сотрудников полиции, а не от следствия. Вы ведь мой единственный «старый знакомый» из всех этих людей, которыми наполнен этот дом, – Боголюбов продолжал выкладывать на стол пачки пяти тысячных купюр. – Ради Бога, не откажите. Мне ведь, кроме вас, не к кому обратиться. Я состоятельный человек, вопрос денег для меня не имеет никакого значения, когда речь идет о моей жене.

Петрович испытывал неприязнь к хамелеонистому Боголюбову, но вид денежных купюр...

– Я схожу пока за хорошим коньячком, – Боголюбов поднялся и вышел за дверь, ведущую, по всей вероятности, в соседнюю комнату. Предоставив, таким образом, Петровичу самостоятельно решать, что же ему дальше делать с этими деньгами.

Когда Боголюбов вернулся, Петрович стоял около выхода в коридор:

– Эдуард Константинович, вам необходимо будет явиться сегодня в управление, для дачи показаний по делу.

– Я уже давал показания следователю ФСБ.

– Я в курсе, и видел эти протоколы. Вам необходимо понять, что показания, по ходу следственных действий, придется давать неоднократно.

– Понимаю, понимаю. А как же коньячок?

– Не употребляю, спасибо. До встречи.

Спустившись на первый этаж, Петрович нашел Саламатина.

– Ну, как вам Боголюбов? – спросил Саламатин.

– Скользкий. Много не договаривает. Следователю придется попотеть с этим типом. Но на убийцу он действительно не похож, скорее, на мошенника.

– Мне тоже так показалось. Иннокентий Петрович, завтра утром я обязательно приму участие в совещании оперативного штаба, а сейчас мне надо уехать. Перед отъездом я хотел бы обратить ваше внимание еще на двух персонажей, живущих в этом особняке: Гульнара Шарипова, или тетя Груня – помощница по хозяйству Бжозовской, и Борис Ким – управляющий усадьбой. Эти люди находились в услужении у Бжозовских с самого своего рождения, их родители тоже были прислугой в этой семье. Я полагаю, они многое могут поведать о членах этого семейства. Ваши сотрудники уже опрашивают их.

– Спасибо. Побеседую с ними лично.

– И еще. Как мы и предполагали, журналистами сейчас заполнено все свободное пространство в радиусе ста метров от забора этого дома. Будьте аккуратней.

– И за это предупреждение большое спасибо, – усмехнулся Петрович. – До встречи.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

– Семенов! – окликнул Петрович своего помощника. – Докладывай.

– Криминалисты зафиксировали следы преступления. Все предполагаемые свидетели опрошены и вызваны в управление на допрос, осмотр дома и сада продолжается, но орудие убийства по-прежнему не найдено.

Они вошли в залу. Труп уже вынесли. Криминалисты упаковывали в чемоданчики и ранцы свой инвентарь. В углу залы, на золоченом стульчике, скучал Сомов. Завидев Петровича, он соскочил со стульчика и устремился навстречу.

– На дело назначен следователь, – добродушно сообщил Сомов Петровичу, – Егеров Игорь Семенович, старший следователь по особо важным делам – лучший в области.

Петрович уже сталкивался по работе с Егеровым. Похожий на блаухаунда, с обвисшими щеками и мудрыми глазами, он внимательно слушал доклады оперативников, а потом задавал короткие и точные вопросы, после которых казалось, что он лично присутствовал на месте пре-

ступления и своими глазами видел все недочеты в работе опергрупп. Его побаивались, но уважали.

– Хорошая новость, – кивнул Петрович и, заметив пятна кофе на мятом пиджаке Сомова, спросил: – Вы где кофе раздобыли, Николай Николаевич?

– На кухне есть кофе-машина, – оторопело ответил он.

– Семенов, принеси большую кружку кофе с сахаром.

– Будет сделано, – Семенов удалился в направлении кухни.

– Вы как узнали, Иннокентий Петрович, что я пил кофе? – искренне удивляясь, спросил Сомов.

– Интуиция, – пожал плечами Петрович. – Где сейчас тетя Груня и Борис Ким, знаете?

– Знаю. Пойдемте, покажу. После досмотра помещений прислуге разрешили вернуться в служебную часть дома.

В уже узнаваемом кабинете управляющего чернявая кривоногая женщина неопределенного возраста, с редкими усиками над верхней губой, сидя на диване, что-то вполголоса наговаривала сухенькому мужчине с монголоидными чертами лица, сидящему рядом. Без сомнения, это были тетя Груня и Борис Ким.

– Ой, Боря, – нарочито громко произнесла тетя Груня, завидев Петровича, – никогда за один день не видела столько красивых мужчин.

Борис Ким подскочил с дивана и, припадая на одну ногу, заискивающе протянул левую руку для приветствия, его правая рука безжизненно висела вдоль туловища.

– Ландрин, зам по оперативной работе, – наигранно грубо представился Петрович.

– Ой, матушка! Ой, кормилица! Что же ты наделала? На кого же ты нас, сердешная, оставишь? – фальшиво запричитала тетя Груня, закрыв лицо ладонями.

– Мне надо поговорить с каждым из вас в отдельности, – с раздражением попросил Петрович.

– Прекрати! – цыкнул на тетю Груню Борис Ким и вышел из кабинета.

Тетя Груня, отняв ладони от лица, зашмыгала носом в цветастую тряпочку.

– Что вы можете рассказать о произошедшем ранним утром убийстве?

– Меня разбудил стук в дверь и крики.

– В котором часу это было?

– Около пяти утра. Было еще темно.

– Так. Продолжайте.

– Я накинула халат и выбежала в коридор. Там, около двери в холл, толпилась прислуга. Я приказала дать мне пройти и увидела хозяйку с хозяином и Назиру.

– Назиру?

– Да, горничную, которая убирается в холле первого этажа.

– А остальная прислуга где была в это время?

– В коридоре служебных помещений.

– Почему они не вышли в холл?

– Им запрещено, без особых распоряжений. За каждым работником в этом доме закреплены помещения, в которых он может находиться. Это сделано для того, чтобы не крали. Если работник переступает границы своей территории, то его увольняют.

– А вы можете передвигаться по всему дому?

– Конечно, я и Борис.

– Во что был одет хозяин дома?

Этот вопрос явно застал тетю Груню врасплох. Она тщетно искала ответ на него у себя под ногами.

– Красный шелковый халат поверх черных брюк и белой рубашки, – помог Петрович тете Груне.

- Да, – согласилась она.
- И красный шейный платок под воротом рубашки.
- Да, – согласилась и с этим тетя Груня.
- Он что, в этом спит?
- Почему?
- Как такая тщательно подобранная одежда могла оказаться на человеке, выбежавшем в пять утра на крики о помощи?
- Наш хозяин всегда элегантно одет.
- Допустим.
- Во что была одета хозяйка?
- Как обычно, в брюки и свитер.
- Она всегда так ходит по дому?
- Нет, она так одевается, когда работает в саду.
- В темноте?
- Ну, или гуляет по саду.
- В пять утра?
- У богатых свои причуды.
- Пусть будет так. Где в это время был Борис Ким?
- В зале, возле трупa. Он первый прибежал на крики хозяйки. Одет он был в форму, принятую для прислуги в этом доме, и Назира – тоже.
- Спасибо, что избавили от лишних вопросов. Что было дальше?
- Очень быстро приехала полиция. Следом за ними вошли люди в штатском. Потом еще. Все было, как в кошмарном сне. По дому ходили посторонние, что-то искали.
- Как себя вела хозяйка?
- Она успокаивала Назиру, держала ее за руку. Потом я отвлеклась, какой-то господин задавал мне вопросы. Было уже светло, когда я посмотрела через стеклянные двери в сад. По дорожке сада бежала хозяйка, за ней двое мужчин, один схватил ее за руку, она вырвалась и упала, ее подняли, – тетя Груня затеребила в руках цветастую тряпочку.
- В котором часу начинается рабочий день у прислуги?
- В пять тридцать подъем, до шести все выходят на свои рабочие участки.
- Вы встаете вместе со всеми?
- Обязательно, я руковожу работой персонала.
- Почему в это утро Назира оказалась в холле раньше времени?
- Она нуждалась в деньгах, у нее была подработка на кухне, для этого ей необходимо было заранее сделать свою основную работу.
- Иннокентий Петрович, можно вас? – в дверном проеме стоял лысоватый мужчина в очках и белом халате.
- Петрович отозвался на просьбу, понимая, что этот человек – тот самый специалист из института имени Сербского.
- Лунин, психотерапевт, вас предупреждали, – представился он.
- Да.
- Я сделал свою работу, вы можете перемещать пациентку, куда вам необходимо. У меня будет только одна рекомендация: не задавать ей вопросы в привычной для нее обстановке. Иначе она может скатиться в прежнее эмоциональное состояние.
- Когда Петрович вошел в комнату, которая занимала Бжозовская, двоих в штатском там уже не было. Вместо них в помещении находились двое его подчиненных. На кровати сидела серенькая, невзрачная женщина.
- Елизавета Федоровна? Вас сейчас сопровождают в управление для первого допроса, там же будет принято решение о необходимости вашего дальнейшего задержания.

Петрович на автомате перечислял все необходимые в таких случаях формальности, с удивлением разглядывая сидевшую перед ним хозяйку особняка. Он кем угодно мог представить себе эту женщину, но женой пусть не молодого, но импозантного Боголюбова он ее представить никак не мог. Серые блеклые глаза, бледная бесцветная кожа, выкрашенное в белый цвет каре из реденьких волос – даже серая мышь смертельно оскорбилась бы, если бы узнала, что ее сравнивают с этой дамой. И ко всему прочему, на лице Бжозовской читалась чванливая надменность, которая часто присутствует в женщинах не бедных и не умных.

Низкорослая и коротконогая Елизавета Федоровна молча подчинилась всем указаниям оперативников и, когда увозившая ее машина скрылась за воротами, Петрович дал Семенову последние распоряжения:

– Значит, так, остаешься здесь «за главного». Приусадебную территорию прочесать несколько раз, орудие убийства, судя по всему, где-то в саду. Как только найдете его, доложите немедленно. Встречаемся в управлении.

Машину предусмотрительный Семенов подогнал к черному входу особняка, скрытому от назойливых журналистов вспомогательными пристройками.

Петрович остановился на уличных ступенях, втянул в себя сырой мартовский воздух, наполненный оголтелым воробьиным щебетом, и сразу же почувствовал, как жизнь наваливается на него своим тяжелым телом и подчиняет его мысли своим желаниям. Он улыбнулся, сам не зная чему, взглянул на свое отражение в луже около ступеней и, довольный собой, направился к машине.

Комендант общежития встретил Петровича неприятливым взглядом, но промолчал.

Поднимаясь к себе на этаж, Петрович думал только о том, как схватит за шкуру бродячего пса и выкинет его туда, откуда он взялся в его доме. Нервно провернув ключ в замке, он с грохотом распахнул дверь и здесь же получил в грудь толчок от Бонькиных лап. Псу хватило роста, чтобы дотянуться до подбородка Петровича и лизнуть его несколько раз.

– Ты что творишь? – злобно спросил Петрович.

Бонька со всех лап помчался на кухню. Вернулся. Гавкнул, приглашая Петровича идти за собой, и снова умчался.

На кухне пес пробежал к миске и передней лапой ударил по ее краю. В миске было пусто.

– Я забыл налить тебе воды... прости, дружище, – почувствовав свою вину, Петрович смягчился.

Бонька пил жадно, не забывая при этом вилять хвостом. Напившись, подскочил к Петровичу и уткнулся ему в ладонь мокрой мордой.

– Я и пожарть-то тебе ничего не купил. Какой из меня хозяин? – Но Бонька с ним не согласился, еще сильнее прижавшись к руке.

Вытряхнув из холодильника все, что, по мнению Петровича, можно было скормить собаке, он сел на табурет и стал наблюдать, как его обед и ужин исчезает в собачьей пасти.

– Ладно, поедем в управление через магазин, а там разберемся, что с тобой делать.

Около управления Петрович замешкался. У Боньки не было ни ошейника, ни намордника, ни поводка. А то как он бросится на кого-нибудь из задержанных? Свои-то поймут, а эти жалобы напишут.

– Рядом! – вспомнил Петрович когда-то слышанную команду. К удивлению, Бонька правильно обошел его по часовой стрелке и сел с левой стороны. – Молодец! Вперед, и не на шаг от меня.

В управлении было суетно.

– Это вещдок, – коротко объяснил Петрович прилипшему к стеклу, чтобы лучше рассмотреть Боньку, дежурному.

В подразделении Петровича всюду кипела бумажная работа. Вернувшийся с места преступления Семенов подскочил для доклада, но, увидев Боньку, переключился на него:

– Кто это? – Семенов присел на корточки и стал гладить пса по холке.

– Зверь домашний, беспородный, – попытался отшутиться Петрович. – Подобрал его на свою голову... сам не знаю – зачем.

– Вижу, а звать-то его как?

– Бонифаций, – для солидности приврал Петрович.

– Бонифаций, дай лапу! – Пес сунул переднюю лапу в ладонь Семенова.

После этого началось настоящее представление по командам Семенова. Бонька вставал, ложился, падал набок и умирал, приносил названные предметы и возвращал их на место, и делал он все это с задором и удовольствием.

– Как это у тебя все получается, Семенов? – удивлялся Петрович.

– Это не у меня, эту у него «все получается», – весело отвечал Семенов, заставляя Боньку проползать под стульями. – Классная дрессура, с детства мечтал воспитать такую собаку, но терпения не хватало. Я же заядлый собачник.

В дверях толпились зрители из соседних отделов.

– Может, заберешь его к себе? – так, чтобы никто не услышал, неуверенно поинтересовался Петрович.

– Не могу, Иннокентий Петрович. Жена недавно родила, и жилплощадь маленькая. А вы зря от Бонифация отказываетесь, такие собаки на дороге не валяются. Вы не смотрите на то, что он беспородный. Дворняги – самые умные.

– Этот умный пес всю общагу сегодня днем на уши поставил, – пожаловался Петрович, скрыв от Семенова, что оставил Бонифация без капли воды.

– Так это потому, что он был первый день один, в незнакомом месте. Ну, сами подумайте, откуда ему было знать, что вы снова вернетесь? Ведь кто-то его уже однажды бросил и не вернулся. Видно же, что у собаки был владелец. А потом, посмотрите Бонифацию в глаза, он вас в хозяева выбрал.

Петрович посмотрел на пса, тот приветливо махнул хвостом.

– Ты как это определил?

– Очень просто, – продолжил Семенов. – Я когда ему команды давал, он всегда на вас оборачивался, а это значит, что он спрашивал у своего хозяина, можно ему выполнять чужие команды или нет. Вы в любой момент могли бы прервать это действие, и – только вы.

– Это как?

– Просто: «фу», «рядом», «ко мне».

– Ко мне, – скомандовал Петрович.

Бонька выплюнул чей-то погон, выданный ему для демонстрации трюков, и со всех лап бросился к своему избраннику.

– Воспитанная собака вас никогда не подведет, Иннокентий Петрович, ни вас, ни окружающих.

– Ну, все, товарищи, представление окончено, – объявил Петрович. – А то мы так до утра не управимся.

Петрович с гордостью прошествовал мимо сослуживцев, ощущая, какую весомость придает ему в глазах окружающих выбор Бонифация. Все пытались дотронуться до пса, в особенности девчонки-криминалисты.

Уже в коридоре, по дороге к кабинету, Петрович обратился к собаке:

– Ну что, партнер? По итогу выходит: ты – суперпес, а я – супердурак. Выражаясь словами итальянской мафии: никогда не совершай резких движений, пока не узнаешь, кто перед тобой стоит, – и, рассмеявшись, потрепал пса за ухом. – Пойдем, растерзаем на двоих добычу, пойманную в супермаркете.

Бонифаций не возражал, – из свертка в руках Петровича пахло свежей ветчиной и сыром.

Восточное имя

Не успела Мила перешагнуть порог квартиры, как раздался звонок телефона. Это была Катерина.

– Как успехи? – бодро спросила она.

– Никак. Полный провал!

– Как «провал»?

– Вот так! Амбра оказалась тухлой.

– Не может этого быть! Что случилось?

– Много чего случилось. Кать, давай отложим разговор на завтра, – Мила повесила трубку.

Очень хотелось есть. Открыв холодильник, Мила обнаружила только остатки сыра и бутылку вина. Гулять, так гулять. Бутылка вина со стуком была поставлена на кухонный стол.

– Не многовато ли? – Услышала она голос позади себя.

– В самый раз, – и обернулась.

На кухонном балконе, загораживая собой весь дверной проем, стоял он – ночной гость.

Шагнув внутрь, он встал посреди кухни. Мила наконец-то смогла разглядеть его как следует. Синие пронзительные глаза под широкими бровями, черные волнистые волосы до плеч, бледное лицо.

«Господи! И создал же Бог такую красоту!» – подумала Мила.

– Вино будете? – спросила она растаявшим голосом.

– Не откажусь, – ответил он и сел за стол.

Мила наполнила бокалы и села напротив.

– Как тебе амбра? Будешь пользоваться и дальше? – спросил ночной гость, подняв бокал с вином и понюхав его.

– Нет. Откуда вы знаете про амбру?

– Видел Тощего в отделении Полиции.

– Как он?

– В жуткой депрессии после гормонального всплеска. У него все-таки не такая масса, как у кита.

– Это опасно?

– Завтра все пройдет.

– Кошмар какой! – Мила пристально посмотрела на ночного гостя. – Вы за мной следите?

– Скорее, наблюдаю.

– Зачем? Кто вы такой?

– Всему свое время.

– Вы второй раз уже проникаете в мой дом. У вас имя хотя бы есть?

– Тебе имя мое назвать? Оно тебе ничего не скажет. Хотя в вашу информационную эпоху... Здесь я – Базазаел.

– Какое странное имя.

– Восточное.

Казалось, что вино не имеет вкуса, – оно пилось, как вода. Мила с удивлением обнаружила, что содержимое бутылки не уменьшается:

– Мы уже выпили по два бокала, а бутылка по-прежнему полная, – вопросительно уставилась Мила на Базазаела.

– Разве это плохо? Обычно людей расстраивает обратное.

– Никогда не встречала гастарбайтеров с таким именем. «Здесь» обычно вашего брата переименовывают, к примеру, в Борю или во что-то подобное, а ты «тутава» – Базазаел, – глупо шутила Мила, и сама же заливалась от смеха.

Стены кухни плыли. Нюся, сидя на столе, внимательно наблюдала за происходящим. Глаза Базазаела то приближались, то удалялись от Милы. Она смеялась, он ухмылялся. Есть уже не хотелось. Тело перестало чувствовать и слушаться. Перед глазами все было белое, кажется, это был потолок.

* * *

Он стоял к Авелин спиной и разглядывал уступы древнеримского амфитеатра. Поверх его белых одежд был накинута черная плащ. Ловко скинув плащ на землю, он сел на него, а затем лег на спину, закинув руки за голову.

Авелин любовалась очертаниями его тела, проступавшего через мягкие складки белой туники, и его длинными пальцами, сцепленными в замок на затылке.

Когда он, ухватившись за кожаный шнурок, стянул его со своих волос, и светлые кудри рассыпались по плечам, Авелин почувствовала нежность и теплоту в груди.

Две сойки привлекли его внимание своей ссорой из-за клочка овечьей шерсти в клюве одной из них. Они, резко крича, промчались над ним и, чтобы не потерять их из виду, он повернул голову им вслед... и заметил Авелин.

Быстро вскочив на ноги, он шагнул ей навстречу с сердитым видом.

– Ты кто? – он явно был недоволен тем, что кто-то нарушил его одиночество.

– Авелин Дангон – дочь Клода Дангона, – обескураженная такой реакцией, Авелин пятилась назад в кусты.

– Что ты здесь делаешь? – наступал он.

– Тоже, что и вы, месье: смотрю на небо и камни, – она переломила свой страх и шагнула ему навстречу.

Это заставило его остановиться. Он заметил, что в ее глазах не было дерзости, в них светилась умная решительность, а это так не свойственно простым девушкам ее возраста, и от его раздражительности не осталось и следа.

Авелин почувствовала перемену:

– А ты Жан?

Приор ордена Святого Доминика давно отвык от такого простого обращения. Он поставил бы эту девчонку на место в два счета, но его имя было произнесено с такой добротой, что ему пришлось ограничиться напоминанием своего статуса.

– Я знаю, – спокойно отреагировала Авелин, – я была в соборе. Только я не все поняла. Кто такие вальденсы?

Жан Батиста не знал, как реагировать на эту девушку. Ее поведение выбивалось из его представления о том, как должны себя вести ее сверстницы. Она не испытывала к нему благоговейного испуга, не убежала от его гнева и даже не дерзила, как это обычно делают плохо воспитанные девицы сомнительного рода занятий. Она была на равных с ним. Не прошло и пяти минут с момента обнаружения ее присутствия, а юная красавица уже вызвала к себе необъяснимое уважение. Любую другую девицу он прогнал бы от себя после такого вопроса незамедлительно, а рядом с ней он чувствовал себя, как ученый вассал около своей любимой госпожи.

– Вальденсы – это люди, принадлежащие религиозному сообществу и противные рабу рабов Божьих, Папе Римскому, за отвержение священничества и отрицание таинств.

– А как же они живут без священников? Кто объясняет этим людям, богоугодны их поступки или нет? По Богу они живут или заблуждаются?

– Их ересь проповедуют самозванцы, считающие себя духовными наставниками, и называющие себя – *Majorales* (Мажоралес).

– Совершенные?

– Ты знаешь латынь? Кто научил тебя этому языку?

Бурное удивление Жан Поля вызывало ответное недоумение у Авелин.

– Мой отец, – ответила она. – Но латынь не самый сложный язык, арабский и персидский намного сложнее.

– Эти языки ты тоже знаешь?

– Ну да. На арабском говорят торговцы, приплывающие из-за моря с юга, а на персидском они читают свою книгу – Коран. Некоторых очень хорошо знает мой отец, они приходят к нему в мастерскую и смотрят его работы. Он художник по шелку.

– А ты брала когда-нибудь в руки эту книгу?

– Коран? Конечно. Я даже читала эту книгу. Когда мне был не понятен смысл некоторых строк, я задавала вопросы торговцам. Но они только смеялись, так как сами не знали этого смысла, и делали отцу комплементы по поводу меня.

– Замолчи! – Жан Поль схватил Авелин за плечи и встряхнул ее для пущей убедительности. – Никогда и никому не рассказывай об этом. Слышишь?! Подобные слова накличат беду на тебя, на твоих родителей, а также на твоих братьев и сестер.

– У меня нет братьев и сестер. А про Коран я знаю, что нельзя рассказывать. Мне отец строго настрого запрещал.

– Что же ты ослушалась отца?

– Вам можно об этом рассказать. Я знаю. Я вижу людей, – помолчав, она добавила: – Вам можно обо всем рассказывать.

– Ты очень заблуждаешься в отношении меня. Из всех людей в окрестностях Лиона ты выбрала самую неудачную кандидатуру для подобного рассказа. Я запрещаю тебе произносить слово «Коран» где-либо и пока я нахожусь в этом городе. А теперь я доведу тебя до ворот собора и передам в руки монахинь Ордена Пресвятой Марии, чтобы они отвели тебя к твоим родителям.

Жан Поль резко развернулся и уверенно зашагал по каменной площадке, но через несколько шагов его уверенность закончилась. Он явно не знал дороги.

– Я покажу дорогу к собору, – догнала его Авелин.

Она ликовала. Ее неосмотрительность явно напугала Жан Поля. Он переживал за нее так сильно, что кровь прилила к его лицу. Авелин чувствовала, что его тревога равна его способности заступиться за нее ценою собственной жизни, она так же понимала про себя, что готова сразиться со львом за этого человека.

Авелин намеренно выбрала самый долгий путь. Мало заметная тропинка в траве обвивала своим узором все выступы холма и искала самые пологие спуски и подъемы на склоне. Это была тропа для неспешного выгула коз.

Там, где только тропинка становилась пошире, Авелин пыталась поравняться с Жан Полем, чтобы лучше разглядеть его. Ей хотелось понять их разницу в возрасте. Его лицо было гладким и спокойным, как у ее отца. Такие лица бывают только у людей, сосредоточенно и с полной отдачей выполняющих свою работу. На таких лицах никогда не бывает самодовольной лени, глупой праздности и самовлюбленной надменности. Но сколько ему лет – она определить никак не могла, а спросить стеснялась.

Авелин заметила, что смущает его своим интересом. Вспомнив о распущенных волосах, он собрал их на затылке и ловко закрутил кожаным шнуром. Взглянув строго на Авелин, еще больше стушевался. Ей нравилась такая власть над взрослым мужчиной, но она решила больше не смущать его так сильно, и начать разговор:

– А хотите, я расскажу вам историю холма, по склону которого мы идем? – как можно добродушнее спросила Авелин.

– Ее тоже поведал твой отец?

Авелин только улыбнулась в ответ, и начала свой рассказ.

– Это было очень давно, еще раньше, чем был построен Древнеримский амфитеатр. В окрестностях этого холма жило племя друидов, которое возглавлял вождь по имени Атепомар. Он был искусным воином и дальновидным правителем. Соседи его боялись и никогда не нападали на поселения, которым он покровительствовал. Он им платил тем же, и его племя жило богато и счастливо. Однажды, вернувшись из дальнего военного похода, он привез с собой женщину необыкновенной красоты и назвал ее своей женой. У этой женщины были белые волосы и белая кожа, и ей дали имя богини любви и света – Айне. Во время брачного ритуала все члены племени были свидетелями ее любви к Атепомару, когда во время клятвы в верности она сжимала в ладонях тлеющие прутья омелы. У Атепомара и Айне стали рождаться дети с белой кожей и светлыми волосами, и девушки племени стали почитать Айне как богиню. Они приносили ей подношения и прикасались к ее волосам в надежде, что у них будут рождаться такие же белокурые дети. У Атепомара был любимец Момор – молодой оракул. Он предсказывал будущее и лечил людей от болезней. А самое главное, он умел разговаривать с животными и растениями и рождать к себе любовь всего живого, что его окружало. Многие девушки племени были влюблены в него, но его сердце принадлежало лишь одной – он был тайно влюблен в Айне. В один ненастный день, когда мужчины племени были на охоте, на их поселение напали чужаки в железных доспехах, стариков убили, а женщин и детей увели в плен. Айне с детьми и несколькими женщинами схоронились в лесу, так как во время нападения они собирали корни в зарослях. Когда Атепомар с остальными мужчинами вернулся с охоты, Айна с уцелевшими вышла из леса и, рыдая, рассказала о случившемся. Мужчины кинулись вдогонку – на помощь своим близким. По следам, оставленным на земле, они очень скоро вышли на опушку леса, с которой увидели, что вся огромная речная пойма заполнена бесчисленным войском, которое превосходит их силы в несколько раз. Атепомар бросился наперерез мужчинам своего племени и, вскинув руки, воззвал к их рассудку. Он заставил их остановиться словами о том, что их жертвы будут напрасными, так как силы их неравны. Мужчины послушались своего вождя и, пряча слезы друг от друга, вернулись домой. Там с надеждой их ждали женщины, которым они стыдились смотреть в глаза. Оракул Момор набрался мужества и рассказал всем о том, что они не смогли вызволить из плена их детей и сестер. Он пообещал, что этой ночью раздобудет у богов в лесу ответ, как им вернуть близких, а если боги промолчат, то принесет себя в жертву. После этих слов он отправился в дубраву, где вознес хвалу богам за спасенную жизнь Айне и ее потомства. Затем он стал просить птиц дать ему знать, как исправить произошедшее и забрать у чужаков самое дорогое, что есть у племени – жен и детей. Друиды считали птиц тварями из потустороннего мира и свято верили в то, что они общаются с богами и доносят до людей их волю. Но птицы вели себя странно, они разлетались, заведя Момора издалека. Лес молчал, своим молчанием он что-то хотел сказать Момору, который никак не мог разгадать эту загадку. Наступили сумерки, опустилась сырая прохлада, а ответа так и не было. Среди приближенных вождя Атепомара был один воин по имени Энгус. Он был искусным охотником и метким стрелком. В сражении ему тоже не было равных. Вооруженный короткой пикой и мечом, он мог сражаться против десятых – и всегда выходил победителем. Ему принадлежало много женщин, которые доставались ему в награду за победы в поединках, но он мечтал только об Айне и страстно завидовал Атепомару. Он совершал жестокие поступки, чтобы привлечь к себе внимание Айне, но она лишь отворачивалась от него. И когда Энгус понял, что внушает красавице только отвращение к себе, он возненавидел ее и пожелал ей смерти. Когда люди в железных доспехах увели его женщин с детьми к себе в плен, он даже не расстроился, ведь у него было еще достаточно сил,

чтобы в поединке добыть себе новых жен. Но увидев, как горюют по родным другие, задумал коварный план расправы с Айне и Атепомаром. Стоило Момору скрыться в лесу, как Энгус подскочил к Атепомару и громко, так, чтобы его услышали все, спросил вождя: «Разве ты не помнишь, Атепомар, как надо просить богов о том, чтобы они отдали племени самое важное, что у него есть? – все с надеждой посмотрели на Энгуса. – Им нужно отдать самое важное, что есть у вождя. Им нужно отдать Айне». Затуманенные горем люди вскочили со своих мест с требованиями принести в жертву Айне. Атепомар с ужасом понял, что не сможет пойти наперекор соплеменникам. Он перехватил руку Энгуса, которой он пытался схватить Айне за волосы, и сказал, что сам принесет в жертву свою жену, когда стемнеет. Ночью развели костры под кустом омелы, разросшейся в ветвях дуба. Поставили жертвенную чашу, к которой подвели связанную Айне. Уставший от отчаяния Атепомар взял в руки золотой клинок и поднес его к горлу жены. Все племя замерло в ожидании, всем хотелось чудесного избавления своих близких из плена. В это время Момор, выйдя на опушку леса и увидев костры жертвенного ритуала, сразу понял, почему молчал лес. Это был знак о том, что он должен был быть с племенем и предотвратить чудовищную ошибку. Увидев Айне, склонившуюся над жертвенной чашей и клинок, поднесенный к ее горлу, Момор изо всех сил устремился к ней. Ему казалось, что время вокруг остановилось, даже языки пламени замерли в воздухе. В свете застывшего огня он отчетливо видел, как клинок медленно вжимается в белую плоть шеи Айне, и на коже появляются первые бусинки алой крови. Украшение из плетеной кожи, попавшее под лезвие клинка, разрывалось нить за нитью, освобождая дорогу для лезвия. Алые бусинки из крови начали расти и вытягиваться. Но земля под ногами почти остановилась и нехотя, шаг за шагом, отрывала от себя ступни Момора. Он закрыл глаза, чтобы не видеть свою беспомощность, а когда открыл, то осознал, что он уже рядом с возлюбленной. Ударившись в нее всем телом, он полетел на землю, увлекая за собой Айне и не успевшую наполниться кровью, жертвенную чашу. Истощенные крики заставили его вернуться в реальный мир. Это кричали его соплеменники, которых он лишил всякой надежды на возвращение их близких. Они рвали на нем волосы и одежду, царапали ему лицо, пытаясь стащить его с тела Айне, которое он закрывал собой. Его силы были почти на исходе, когда он услышал сквозь вопли голос Атепомара: «Люди, остановитесь! Момор принес нам вести от богов». Раскидывая в разные стороны обезумевших, Атепомар расчищал себе путь для помощи Момору. Борьба остановилась. Угрюмые, тяжело дышащие люди окружили плотным кольцом лежащих на земле Момора и Айне. С трудом встав на ноги, Момор смотрел на них и не знал, что сказать. Впервые ради спасения любимой он должен был соврать своему племени. Боги молчали, и тогда Момор произнес: «Луч света. Завтра утром путь к спасению наших детей нам укажет луч света». Уставшие от переживаний и борьбы люди стали расходиться. Оглянувшись назад, Момор увидел лежащую в крови Айне. Упав на колени, он прислонил ухо к ее груди, но не услышал ничего, кроме стука собственного сердца и шума собственной крови в ушах. Его отчаяние мешало ему распознать жизнь в Айне. «Она жива», – услышал он голос Атепомара позади себя. Момор сорвал с пояса мешок со снадобьями и стал прикладывать их к ране на шее Айне. Вскоре кровь перестала идти. Когда Момор обернулся, Атепомара уже не было. Вероятно, Атепомар специально сделал глубокую, но не смертельную рану на шее Айне, чтобы наполнить жертвенную чашу, но при этом спасти жизнь своей женщины. Быть может, под покровом ночи он покинул бы свое племя и увел бы свою семью на север, но его планы нарушил Момор. Листва на деревьях зашумела – это начался дождь. Тлеющие костры зашипели и окутались дымом. Утро предвещало быть ненастным. Боги мстили Момору за его ложь. Все, о чем он мечтал, это умереть раньше Айне. Очнувшаяся от капель дождя, Айне с удивлением разглядывала Момора, ведь она думала, что уже перенеслась в царство птиц. Момор рассказал ей о своей любви и пообещал, что, пока он жив, с ней ничего не случится, лишь умолчав о том, сколько им отпущено. Накрыв себя и ее шкурой благородного оленя, он стал ждать рассвета. В серой мгле стали появляться силуэты. Люди

плохо провели эту ночь и с трудом дождались утра. Дождь не прекращался, он становился только сильнее. «Где же твой чудесный луч?!» – крикнул Энгус, когда стало совсем светло. Медлить было нельзя. Момор, последний раз взглянув на Айне и укрыв ее плотнее шкурой, поднялся на ноги и медленно направился к дубу. Подняв с земли клинок и жертвенную чашу, он думал о том, хватит ли ему мужества ударить себя клинком с такой силой, чтобы никому не пришлось добивать его второй раз. Вдруг кто-то крикнул: «Луч света!». Тучи на краю неба расступились, и белые камни на холме, который возвышался над лесом, окрасились в розовый свет. Все бросились туда. Обдирая кожу об кустарник, падая, запутавшись в высокой траве, люди добежали до подножья холма и стали метаться в поисках своих жен и детей. Выбившись из сил, они начали подходить к Момору с одним лишь вопросом: что делать дальше, и где их родные? Момор понимал, что бог солнца и света Луг услышал его, и надо действовать. Он достал из-за пазухи гадальные жезлы и кинул их на землю. Упав на землю, все они легли в одном направлении, указав на причудливый камень с неровными краями наверху, похожими на множество башен. «Бог Луг хочет, чтобы мы основали на этом месте город, такой же, как у людей, живущих за каменной стеной в десяти днях хода на закат солнца отсюда», – объявил Момор. Все зароптали. Никто не мог понять, как это поможет вызволить пленников. «Железных жезлов недостаточно для предсказания, – не унимался Энгус. – Где вороны – вестники бога Луга? Почему они не несут нам его волю?» У Момора не было ответа на этот вопрос, и он пошел искать его на вершину холма. По дороге он переворачивал камни в поисках ответа, но ничего не находил под ними, кроме червей, вылезших из земли после обильного дождя. Вдруг черный ворон, стремительно спустившийся с неба, подлетел к Момору и клюнул дождевого червя. Через мгновение ворон крикнул, и туча черных птиц поднялась над лесом. Вороны летели к холму и садились на ветви кустарника. Люди бросились переворачивать камни, крича друг другу: «Бог Луг с нами! Хвала богу Лугу». Когда сытые птицы улетели прочь, вождь Атепомар взял слово перед племенем. Он предложил добровольцам вместе с ним и Момором пойти к чужакам и просить отпустить пленников в обмен на их родной лес. Все удивились, зачем чужакам предлагать то, что они могут забрать сами, но согласились пойти с вождем. Тем, кто остался, Атепомар наказал уходить на север, если его отряд не вернется к вечеру. Подстрелив из лука несколько диких свиней и оленей, охотники положили добычу на связанные между собой сучья деревьев и, водрузив носилки с богатым подношением себе на плечи, отправились в лагерь к чужакам. Среди чужеземцев оказался человек, который знал язык друидов, он перевел своему предводителю их предложение, которое того очень заинтересовало. В обмен на освобождение своих соплеменников друиды предложили показать дорогу в заколдованный лес, которой наполнен животными, идущими на зов охотника, где реки полны разумными рыбами, плывущими в расставленные сети. А в доказательство друиды сложили к его ногам принесенную добычу. Предводитель чужеземцев приказал незамедлительно снарядить отряд, вместе с которым он отправился в заколдованный лес. Войдя в лес, друиды приказали отряду остановиться и, встав на колени, стали раскачиваться под свое песнопение. В это время Момор обнимая деревья, шептал заклинания. Прижавшись к дереву, на котором росла омела, он замер. Все затихли. «Можно идти. Нас ждут», – через какое-то время сказал он, и друиды, поднявшись с колен, жестами пригласили продолжить путь. И тут произошло чудо. Со всех сторон из зарослей к людям стали выходить дикие звери. Благородные олени, косули, кабаны, лисы, даже волки, трусливо поджимая хвосты и припадая на передние лапы, выползали из-под кустов. А лесные ручьи забурили от рыбы, которая пыталась выпрыгнуть на берег. «Убивать можно только тех животных, которые не бегут при виде лука, и столько, сколько вы сможете съесть за один вечер. Иначе животные больше к вам не выйдут», – строго предупредил Момор. С богатой добычей и небывалым рассказом вернулись чужеземцы в свой лагерь. Предводитель выполнил свое обещание и отпустил пленников. Каково же было удивление друидов, когда, помимо их соплеменников, навстречу к ним вышло большое множество людей не из их пле-

мени. Атепомар подал тайный знак своему отряду и стал обнимать всех без разбора, как своих. Друиды поняли своего вождя и последовали его примеру. Бывшие пленники с благодарностью и слезами шли под защиту своих новых братьев. По дороге домой кто-то усомнился, что их племя сможет прокормить такое количество ртов. «Не переживайте, – успокаивал Атепомар, – в лесу быстро распространяются новости. За ними придут еще до рассвета». Атепомар был прав. Ночью к праздничным кострам стали выходить мужчины из других племен. Они отыскивали своих женщин и детей, но уходить не спешили. Греясь у костра, они еще и еще слушали рассказы о чудесном освобождении из плена. Утром Атепомар собрал всех у подножья холма и напомнил о том, что обретенной свободой они обязаны богу Лугу, который пожелал, чтобы на этом месте был основан город, имя которого будет Лугдунум, что означало «Холм бога Луга» или «Холм света». Он призвал свое племя продолжить начатую накануне работу и из сложенных камней заложить будущий город, а всем остальным племенам пожелал удачной охоты и здорового приплода. Тогда вперед выступил старый вождь соседнего племени и сказал следующее: «Я стар, и мои кости сломаны во многих местах. Мне уже тяжело водить своих людей на охоту и прятать в укрытиях от недругов. Пора выбирать нового вождя, и мое племя выбрало тебя. Прими нас под свою защиту, и мы будем вместе с тобой строить Лугдунум». Ропот одобрения прокатился по рядам собравшихся. В тот день подножье холма покинули лишь немногие. Люди, вдохновленные освобождением и спасением, с умноженной силой принялись строить город, и очень скоро у подножья холма и на его склонах вырос частокол стен, за которыми разместились жилища. Что же касается чужеземцев, то однажды они нарушили закон заколдованного леса, и в один день убили столько животных, что не смогли унести их с собой. Чары рассеялись, и звери перестали доверять людям. Поговаривают, что лес отомстил людям за их ненасытность, – когда те вновь вернулись за добычей и натянули тетиву своих луков, то ослепли и погибли в лесу, не найдя из него выхода. Энгус, разьедаемый страстью и ревностью, вышел на поединок и был убит. Те, кто видел это сражение, утверждали, что он намеренно искал смерти. Его убил не меч, а ненасытная страсть к Айне. Момор прожил долгую и счастливую жизнь. Он любил природу, и природа ответила ему тем же – она надолго сохранила Момору молодое лицо и молодое тело. Когда Атепомар умер, большое племя выбрало Момора вождем, а Айне отдала ему в жены свою старшую дочь, такую же юную и прекрасную, как она сама, когда ее первый раз увидел Момор. Так светлая любовь победила темную страсть. Ненависть и зависть уничтожили сами себя, а искренность и доброта получили вознаграждение. Недаром холм Фурвьер именуют холмом Света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.